

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

ЭПИТЕТЫ В ЛИРИКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
очной формы обучения, группы 02031202
Пискаревой Анастасии Александровны

Научный руководитель
к.ф.н., доцент
Левина Э.М.

БЕЛГОРОД 2017

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Теоретические основы исследования	7
1.1 История понятия «эпитет».....	7
1.2 Эпитет в системе тропов и стилистических фигур.....	10
1.3. Эпитет и логическое определение.....	13
1.4. Изучение лексики произведений М.Цветаевой лингвистами и литературоведами.....	17
Глава 2. Функционированные и культурологические характеристики прецедентных феноменов в пространстве прецедентного мира автора.....	28
2.1.Морфологические типы эпитетов в текстах произведений Цветаевой.....	28
2.2. Семантические группы лексем, выступающих в функции эпитетов, в текстах произведений М. Цветаевой.....	41
2.3. Сочетаемость групп лексем в роли эпитетов с группами определяемых слов: основные закономерности.....	43
Заключение.....	58
Литература.....	62
Приложение.....	70

ВВЕДЕНИЕ

Изучению эпитета – его пониманию, образованию, функционированию в лирике Марины Цветаевой, которая раскрывается неоднозначно, посвящена дипломная работа. Проблемы художественной коммуникации, грамматики и поэтики текста, конструирования поэтического смысла, функционирования тропов и стилистических фигур в художественном тексте, а также вопросы формирования идиостиля и идиолекта писателя исследовались многими лингвистами и литературоведами - В.Г. Адмони, Ф.И. Буслаевым, А.Н. Веселовским, В.В. Виноградовым, Г.О. Винокуром, К.С. Горбачевичем, А.Г. Горнфельд, В.П. Григорьевым, А.П. Евгеньевой, В.М. Жирмунским, Л.В. Зубовой, Е.А. Некрасовой, А.А. Потебней, И.А. Стерниным, Л.И. Тимофеевым, Б.В. Томашевским, В.К. Харченко и др. Далеко не последнее место в ряду этих проблем занимает проблема понимания эпитета.

Следует согласиться с авторами «Словаря эпитетов современного русского литературного языка» в том, что «законченной и общепринятой теории эпитета пока не существует» [Горбачевич, Хабло 1979: 3]. К этому же выводу приходит И.Б. Голуб: «До сих пор наука не располагает разработанной теорией эпитета, нет единой терминологии, необходимой для характеристики различных видов эпитетов» [Голуб 1997: 139].

Проблема разграничения таких понятий, как «эпитет» и «определение» остается очень актуальной. Все ученые подчеркивают тот факт, что эпитет привносит в характеристику предмета новый признак, но не задаются вопросом о том, как понимать само выражение «новый признак», в какой ситуации он может быть таковым [Ахманова 1969, Веселовский 1989 и другие]. Наиболее полным и точным следует признать определение эпитета, данное А.В. Павшук: «Эпитет – художественное определение (определение в эстетической функции) предмета, лица, явления, процесса, ситуации, выделяющее, подчеркивающее, усиливающее существенный, с точки зрения автора, признак, который может повторять или подновлять значение

определяемого слова, быть типичным и неотъемлемым для целого класса предметов, индивидуальным признаком конкретного предмета, создавать микро– или макрообраз, придавая ему живописность, содержать скрытые смыслы и оценку, создавать эмоциональный настрой произведения, усиливать впечатление на реципиента, обращаясь к его интеллектуальному, эмоциональному и эстетическому восприятию» [Павшук 2007: 20]. В этом определении подчеркивается многофункциональность эпитета, его уникальные свойства как универсального художественного средства языка.

Актуальным в современной лингвопоэтике является рассмотрение эпитета с разных сторон, а именно: как лингвистического явления [Мерзлякова 2002, Розенталь 1996], как ментально-вербального образования [Одинцова 2000], как жанрообразующего элемента, «кварка» жанра [Тырыгина 2000], как когнитивной единицы [Голубина 1998, Раевская 1999, 2002, Сандакова 1999, 2002]. Все подходы к изучению эпитета дополняют друг друга, позволяя более объективно и многоаспектно рассмотреть данное явление.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью проанализировать различные подходы к изучению эпитета, направления его классификации, исследовать образование, функционирование эпитета в идиолекте М. Цветаевой с учетом морфологических, структурных и семантических разновидностей художественного определения.

Выбор творчества данного поэта в качестве объекта исследования объясняется насыщенностью его текстов приемами актуализации понятий. Среди таких приёмов центральное место принадлежит эпитету, который понимается М. Цветаевой не как украшающее определение, а как слово, вбирающее в себя концептуальную значимость всего высказывания в широком смысле (стихотворения, поэмы, эссе и т.д.).

Несмотря на исследовательский интерес лингвистов к изучению особенностей прилагательного в лирике М.И. Цветаевой (Л.В. Зубова, Н.Н. Вольская, С.И. Львова, Н.Е. Цветкова), *эпитет* во всем его

многообразии остается неизученным в коммуникативно-деятельностном, системном аспектах.

Объектом исследования является эпитет как художественное средство языка М.И. Цветаевой.

Предметом исследования выступает эпитет с точки зрения его структурных и семантических признаков, а также механизмов образования.

Цель исследования заключается в исследовании способов семантико-экспрессивной, коммуникативно-эстетической актуализации лексем-определений в составе эпифразы и эпитетного комплекса в творчестве М. Цветаевой на материале нескольких типов эпитетов – морфологических, структурных разновидностей, переносных эпитетов.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи исследования**:

- 1) проанализировать существующие определения эпитета;
- 2) проанализировать классификации эпитетов в современной лингвопоэтике и представить направления и основания классификаций в обобщенном виде;
- 3) установить механизмы семантического приращения смысла эпитета-прилагательного в составе эпифразы, раскрыть сущность процесса перехода лексемы признаковой семантики в эпитет;
- 4) описать структурные типы эпитетных комплексов в текстах произведений М. Цветаевой в аспекте выявления способов семантико-экспрессивной, коммуникативно-эстетической актуализации эпитета;
- 5) проанализировать механизмы образования переносных эпитетов в аспекте выявления способов семантико-экспрессивной, коммуникативно-эстетической актуализации их семантики; охарактеризовать векторы переноса определения, используемого в рамках эпифраз.

В качестве **источника** нами использованы 1 и 2 тома полного собрания сочинений М.И. Цветаевой в семи томах (см. список источников).

Материалом исследования послужили лексические единицы, выступающие в функции эпитета (прилагательные, наречия, причастия, деепричастия, предложно-падежные формы существительных, некоторые формы местоимений, входящие в состав блочных эпитетных комплексов), зафиксированные в текстах стихотворных произведений М. Цветаевой.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые описано функционирование языковых средств, выступающих в функции эпитета, в лирике М.И. Цветаевой, выявлены наиболее важные способы семантико-экспрессивной и коммуникативно-эстетической актуализации слова в роли художественного определения; показано участие эпитета в вербализации базовых для поэтического творчества М.И. Цветаевой смыслов.

Методы исследования. Для решения поставленных задач был использован комплекс взаимодополняющих научных методов, адекватных предмету исследования: лингвистическое наблюдение, метод компонентного анализа структуры значения лексемы, контекстологический метод, семантико-стилистический метод описания языка, когнитивный метод анализа художественного текста.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка. Порядок следования глав соответствует логике исследования: в первой главе рассматриваются теоретические вопросы, касающиеся специфики эпитета как художественного средства языка и его типологии; во второй главе дается характеристика основных семантических групп лексем, выступающих в функции эпитетов, и субстантивов.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. История понятия «эпитет»

Термин «эпитет» принадлежит к числу наиболее рано появившихся филологических терминов, предназначенных для описания выразительных средств, которые используют авторы различных литературных текстов. Эпитет как разновидность тропа изучали выдающиеся филологи: Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, А.А. Потебня, В.М. Жирмунский, Б.В. Томашевский и др., - однако, до сих пор в науке нет разработанной теории эпитета, нет единой терминологии, которая необходима для описания разнообразных видов эпитетов. Понятие «эпитет» нередко безосновательно расширяют, относя к нему любое прилагательное, выступающее в функции определения. Однако, к эпитетам не следует относить прилагательные, указывающие на отличительные признаки предметов и не дающие их образной характеристики.

Термин «эпитет» в переводе с греческого означает «приложенный» к имени. Интерес к нему возник в Древней Греции. Современных исследований истории изучения эпитета немного. В этом смысле следует отметить работу А.П. Лободанова «К исторической теории эпитета», а также работы В.М. Жирмунского и А.Н. Веселовского.

Подробно анализируя высказывания об эпитете Аристотеля, Гермогена, Деметрия, Квинтилиана, а также рассматривая эпитет как атрибут поэтической речи, А.П. Лободанов приходит к выводу, что первоначально термин «эпитет» означал прилагаемое к какому-либо имени другое имя, употребленное в одной из своих акциденций. Акциденция, т.е. свойство, которое специфицирует имя, есть качество [Лободанов 1984:216]. Таким образом, в античности не было прилагательного как такового, а был эпитетон как-то, что приложено, прибавлено к оному.

В современных источниках понятие «эпитет» толкуется следующим образом: «Эпитет (греч. Epitheton – приложение) – стилистический приём,

образное определение, не только указывающее на признак определяемого явления, но и сообщающее этому признаку дополнительное значение – переносное или символическое (иными словами, не всякое определение – эпитет, но всякий эпитет скрывает в себе метафору, синекдоху или символ): *И се уже рукой багряной/Врата отверзла в мир заря* (М. В. Ломоносов, «Ода на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1746 года»). В оде Ломоносова эпитет *багряная* указывает на признак зари и реализует символическое значение данного признака, который напрямую с определяемым явлением не связан: *царские одежды имеют багряный цвет, следовательно, багряная рука зари – это рука зари в рукаве царской одежды багряного цвета* (т.е. рука императрицы). Эпитеты придают тексту многозначность, этим они отличаются от «логических» определений. В литературе эпитеты всегда индивидуальны, потому что всегда являются внешним проявлением конкретного авторского стиля.

Во втором томе издания «Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов» даётся расширенная формулировка понятия: «ЭПИТЕТ (греч. Εϋμειφπν, приложенное) – термин стилистики и поэтики, обозначающий слово-определение, сопутствующее слову определяемому. Традиция, идущая еще от античных воззрений, различает «необходимый эпитет» (*epitheton necessarium*) и «украшающий эпитет» (*epitheton ornans*). Под первым понимается такое определение, которое ограничивает объем определяемого понятия; необходимый эпитет сливается с определяемым словом в единое словосочетание и не может быть опущен без изменения основного смысла выражаемого понятия; другими словами, необходимый эпитет является неотъемлемой частью словосочетания, в которое он входит, выражая отличительный признак предмета. Например, *русский язык, древний мир, бешеная собака*. Напротив, под украшающим эпитетом понимается такое определение, которое выражает то или иное свойство, выделяемое в уже данном, обособленном предмете мысли. Например, *румяная заря, робкое дыхание, ретивый конь*. Но, поскольку эпитет есть понятие стилистики и

поэтики, подразделение его на такие традиционные категории представляется излишним. Термин «необходимый эпитет» может быть вовсе устранен, так как он охватывает явления не стилистического порядка, и кроме того «необходимый эпитет» не может рассматриваться в обособлении от слова, при котором он стоит, образуя с ним логическое единство. Термин же «украшающий эпитет», основанный на узком и произвольном воззрении на поэтическое выражение как на украшение речи, может быть заменен термином просто «эпитет», под которым и должны пониматься все виды определений, не относящиеся к первой категории необходимых эпитетов. Таким образом, в выражении «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык» (Тургенев) только первые четыре прилагательные должны считаться эпитетами. Или у Лермонтова: *В песчаных стенах Аравийской земли - песчаных* есть эпитет, но *Аравийской* есть только определение, но не эпитет.

Поэтому эпитет есть «определение при слове, влияющее на его выразительность» (Горнфельд), или же определение, выделяющее в предмете мысли тот его признак, или свойство, которые существенны для данного его выражения. В эпитете выражается определенное отношение поэта, или вообще говорящего лица, к предмету, о котором идет речь. Эпитет как бы дает индивидуальную окраску выражаемому предмету, бросает на него определенный свет и делает предмет стилистически значимым...»

«Эпитет (от греч. Epitheton – приложение). Художественное, образное определение, вид тропа. Веселый ветер, мертвая тишина, седая, старина, черная тоска. При расширительном толковании эпитетом называют не только прилагательное, определяющее существительное, но и существительное-приложение, а также наречие, метафорически определяющее глагол.

Постоянный эпитет – это эпитет, часто встречающийся в народном поэтическом творчестве, переходящий из одного произведения в другое: *Море синее, поле чистое, солнце красное, тучи черные, добрый молодец; зелена трава, красна девица.*

В пособии Голуб И. Б. «Стилистика русского языка» также даются важные пояснения, связанные с эпитетами и их возможным разделением на группы:

«Создание образных эпитетов обычно связано с употреблением слов в переносном значении (ср.: *лимонный сок - лимонный свет луны; седой старик - седой туман; он лениво отмахивался от комаров - река лениво катит волны*). Эпитеты, выраженные словами, выступающими в переносных значениях, называются метафорическими (*Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана, утром в путь она умчалась рано, по лазури весело играя...*). В основе эпитета может быть метонимический перенос названия, такие эпитеты называются метонимическими (*Белый запах нарциссов, счастливый, белый весенний запах...*). Метафорические и метонимические эпитеты относятся к тропам.

Эпитеты исследуют с разных позиций, предлагая при этом различные их классификации. С генетической точки зрения эпитеты можно разделить на общеязыковые (*гробовое молчание, молниеносное решение*), индивидуально-авторские (*холодный ужас, изнеженная небрежность, леденящая вежливость*), народно-поэтические (*красна девица, добрый молодец*). Последние называют еще постоянными, так как словосочетания с ними приобрели в языке устойчивый характер.

1.2. Эпитет в системе тропов

В широком смысле слова эпитет – это определение, в которое вкладывается смысл понятия «художественный образ». «Это называемый признак, сопутствующий какому-нибудь слову», т.е. в простейшей форме это прилагательное при существительном.

Принято считать, что эпитет – это литературоведческий термин. Л.И. Тимофеев отмечает, что троп представляет собой употребление слова в переносном значении, т.е. выделение вторичных его признаков для

характеристики какого-либо явления. Иначе говоря, троп есть сочетание слов, образующее новое значение, благодаря перенесению одного из вторичных признаков слова на другое слово.

Язык наш насыщен тропами. Говоря опешить или ошеломить, мы не думаем о том состоянии, которое когда-то было действительно присуще человеку, оказавшемуся в трудном положении из-за того, что он потерял коня или получил удар по шлему: слова *разлука* не связано у нас с представлением о двух разошедшихся в противоположные стороны концах лука; слово *лукавый* не вызывает у нас представлений о кривизне лука.

Сами по себе тропы – явление языка, и могут быть встречены в любой области языковой деятельности, но именно в литературе они в особенности существенны, так как становятся чрезвычайно гибким средством индивидуализации изображения жизни.

В самом деле, так как троп выделяет чрезвычайной отчетливостью какой-либо один определенный признак явления, то, наряду с познавательным своим значением он дает писателю еще очень существенное средство для того, чтобы во-первых, индивидуализировать явление, а во-вторых, дать ему субъективную оценку.

О языке троп имеет, следовательно, три основные задачи: познавательную, индивидуализирующую и субъективно-оценочную.

Поэтому именно в художественной литературе тропы, в особенности эпитеты, распространены и чаще всего встречаются. Именно поэтому-то и говорят о языке художественной литературы как о языке образном, что в нем так часты' художественно-изобразительные средства.

Как уже отмечалось, в широком смысле эпитетом является всякое слово, определяющее, поясняющее, характеризующее и т.д. какое-либо понятие. В этом смысле эпитетом является любое прилагательное.

У нас до сих пор часто пытаются отделить понятие эпитета («художественное определение») от понятия определяющего слова по тем соображениям, что эпитет – художественное определение, т.е. красочное,

образное и т.п., тогда как простое определяющее слово этой художественности не несет. С этой точки зрения в выражении *деревянные часы* перед нами не эпитет, а определение, а в выражении *роковые часы* – не определение, а эпитет. Эпитет есть слово или предложение, примененное к существительному или к его эквиваленту для того, чтобы подчеркнуть в изображенном явлении какое-нибудь его отличительное свойство, индивидуальное или родовое.

Таким образом, всякое одностороннее определение, усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное выдающееся качество предмета, является эпитетом.

Эпитет индивидуализирует, характеризует явление, выделяет в нем те признаки и свойства, которые кажутся писателю важными и значительными на основе его представления об этом явлении, понимания и знания его, отношения к нему. Благодаря эпитетам писатель выделяет те свойства и признаки рисуемого явления, на которые он хочет обратить внимание читателя.

Формой эпитета может служить всякое значащее слово, поскольку оно выступает как определяющее по отношению к другому (существительное: *бродяга-ветер, царица грозная - чума, дева-роза*; прилагательное: *серебряная береза*; наречие и деепричастие: *жадно смотря, несутся сверкая*).

В отличие от логического определения, эпитет не содержит в себе разделительного значения. В то время как логическое определение отделяет признак одного предмета от признаков других, эпитет, как и другие изобразительно-выразительные средства языка, вызывает в нашем сознании целостное представление об изображаемом предмете, рассматриваемом писателем в том или ином аспекте.

В вузовских пособиях выделяются метафорические и метонимические эпитеты.

Как известно, метафоризация значений часто происходит в результате переноса качеств, свойства, действий неодушевленных предметов на

одушевленные: *железные нервы, золотые руки, пустая голова* и наоборот: *ласковые лучи, рев водопада, говор ручья*.

Всё ранее сказанное дает основание заключить, что эпитет - это образное, иногда метафорическое или метонимическое слово, которое используется в художественных и поэтических текстах для наиболее яркого, образного, выразительного описания реалий.

1.3. Эпитет и логическое определение

Одним из наиболее спорных вопросов в теории эпитета является разграничение эпитета и логического определения. Рассмотрим, как разграничивают эти понятия ученые. В определении эпитета, данном в литературном энциклопедическом словаре говорится, что «в отличие от обычного логического определения, которое выделяет данный предмет из многих, эпитет либо выделяет в предмете одно из его свойств, либо-как метафорический эпитет – переносит на него свойства другого предмета» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 512].

В.М. Жирмунский, опираясь в свою очередь на разработки А. Шалыгина, автора популярной «Теории словесности», говорит о «широком» и «узком» толковании данного термина. Первое, широкое, определение не выделяет отличительных свойств эпитета: «Одним из весьма действительных средств, усиливающих картинность и эмоциональность речи, является эпитет. Так называется слово или несколько слов, приданных обычному названию предмета для того, чтобы усилить его выразительность, подчеркнуть в предмете один из его признаков – тот, который в данном случае можно выдвинуть на первый план, как бы рекомендовать особому вниманию читателя» [Жирмунский 1977: 355]. Но далее автор рассматривает случай более узкого словоупотребления, говоря о том, что эпитет не вводит нового признака, не заключающегося в слове определяемом, и повторяет признак, заключающийся в самом определяемом слове - в этом основное

отличие эпитета как поэтического определения от логического, сужающего объем термина (*деревянный, трехэтажный дом* – логические определения). Автор говорит о том, что во втором значении термин «эпитет» охватывает более узкий круг явлений, чем в первом; среди поэтических определений выделяется группа со специфическими признаками, за пределами которой остаются не только логические определения в точном смысле слова (например, *платяной шкаф в противоположность бельевому*)» [Жирмунский 1977: 356]. В.М. Жирмунский отмечает, что в поэтических текстах сложно отграничить логическое определение от поэтического. Иногда определения заключают в себе логически необходимое ограничение понятий (*молодые яблони*), но в составе поэтического произведения включаются в систему описательных приемов в соответствии с принципом отбора поэтических определений, обусловленных общим художественным стилем писателя. Автор предлагает, помимо выделения группы логических определений, разграничивать эпитеты в широком и узком значении. В.М. Жирмунский выделяет две группы эпитетов: традиционные поэтические определения, употребляемые в особом переносном значении типического, идеального признака определяемого понятия, и вторую группу – индивидуальные, авторские, характеризующие определения в соответствии с обычным прозаическим словоупотреблением.

Такое разделение, в свою очередь, обусловлено эволюцией поэтического стиля на границе XVIII и XIX вв. В.М. Жирмунский рассматривает историю развития эпитета в мировом языкознании, определяя истоки возникших разногласий. Он указывает на то, что первоначально слово «эпитет» употреблялось только в смысле поэтического определения, не вносящего нового признака в определяемое понятие – так называемый «украшающий эпитет» (поэтический). Дальнейшее развитие науки и литературы повлекло образованию нового вида эпитета – «необходимого». Цель последнего – отделить данный предмет от подобных ему. В этот

момент общую идею предмета, его типологические черты заменяет индивидуальный аспект явления, индивидуальное словоупотребление.

В.М. Жирмунский делает вывод, что «эпитет в традиционном узком значении поэтического тропа исчезает и заменяется индивидуальным, характеризующим поэтическим определением» [Жирмунский 1977: 359]. Автор считает, что эпитетом следовало бы называть только украшающий эпитет (особенно часто встречающийся в эпоху классицизма), а в остальных случаях говорить о поэтическом определении.

Б.В. Томашевский также разграничивает эпитет и логическое определение. Для этого он вводит понятия содержания и объёма, говоря о том, что каждое понятие имеет свой объём и свое содержание. «Объём понятия – это все явления, предметы, вещи, реальные или воображаемые, данным понятием обобщаемые. Содержание понятия – это все те признаки, которые отличают данное понятие от того, что им не является (например, *дом* (любой) – *конура* (не обладает всеми признаками, свойственными понятию «дом»)) [Томашевский 1959: 200].

Присоединяя к имеющимся признакам новый, можно изменить объём и содержание (*дом* – *каменный дом*). Объём при этом сужается, содержание понятия – расширяется.

Эти признаки характерны для логического определения, задача которого, по мнению автора, ограничить объём путем расширения содержания. Задача логического определения индивидуализировать понятие или предмет, отличить его от подобных же понятий.

Эпитет – это такое определение, которое этой функции не имеет и которое сохраняет уже заранее определенное понятие в том же объёме и, следовательно, в том же содержании. Эпитет ничего не прибавляет к содержанию, он как бы перегруппировывает признаки, выдвигая ... тот признак, который мог бы и не присутствовать». Эпитет нужен не для различения, а для придания слову особой стилистической окраски.

Исследователь отмечает, что в литературе слово «эпитет» часто используют для обозначения всякого определения, а одно и то же словосочетание в разных текстах приобретает характер логического определения либо эпитета.

Н.В. Ведерников также говорит о сложности проведения грани между логическим определением и эпитетом. Логическое определение выполняет в языке характерную для него функцию: обозначает точность, суживает общее понятие (*дом каменный*) [Ведерников 1975: 4].

Задача эпитета – выделить характерную черту, сосредоточить внимание на отдельном признаке, выдвинув его на первый план, иногда – усилить этот признак.

К.С. Горбачевич, Е.П. Хабло указывают на проблему существования широкого и узкого понимания термина «эпитет». В узком понимании эпитет – это только красочное, образное определение, возникающее на основе переносного значения слова (прилагательные *голубой, серый, синий* в сочетании со словом небо не могут быть названы эпитетами) [Горбачевич, Хабло 1979: 4]. Если же рассматривать термин в широком смысле, то возникают трудности с разграничением художественного и нехудожественного определения. Авторы словаря подчеркивают, что различие между эпитетами и логическими определениями также часто бывает неявным.

И.Б. Голуб говорит о том, что понятие «эпитет» иногда неоправданно расширяют, относя к нему любое прилагательное, выступающее в функции определения. Она отделяет от эпитетов прилагательные, указывающие на отличительные признаки предметов и не дающие характеристики (*дубовый листок...*), называя такие определения логическими [Голуб 1976: 151]. И.Б. Голуб отмечает также, что эпитеты, выраженные словами, сохраняющими в тексте свое прямое значение, нельзя отнести к тропам, однако это не означает, что они не выполняют эстетической функции.

В.П. Москвин в своей статье «Эпитет в художественной речи», а также в книге «Русская метафора» пишет, что «эпитет, в узком понимании этого термина, представляет собой определение, подчинённое задаче художественного описания объекта» [Москвин 2001: 28]. С этой точки зрения, эпитеты – это красочные прилагательные, оттеняющие существительные. Исследователь отмечает большую роль образных определений в художественной, в частности, поэтической речи. При широком понимании в разряд эпитетов попадают наречия, имена существительные, деепричастия.

Сосуществование столь различных трактовок приводит к тому, что и в лингвистике, и в литературоведении понятие «эпитет» становится зыбким и неустойчивым. Узкого понимания эпитетов придерживаются такие ученые, как А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, К.С. Горбачевич, Е.П. Хабло; а различных видов широкого понимания – Б.В. Томашевский, И.Б. Голуб.

Оба подхода имеют длительную традицию. Большинство исследователей полагают, что для русского языка более целесообразным является узкое понимание, поскольку художественные определения подчинены обозначению признаков, а именно для их номинации предназначены в нашем языке имена прилагательные.

1.4. Изучение лексики произведений М.Цветаевой лингвистами и литературоведами

Творчество М. Цветаевой всегда привлекало к себе пристальное внимание лингвистов и литературоведов. Ученые изучают язык ее произведений, устанавливают характерные для ее творчества закономерности словоупотребления, основные темы и мотивы творчества [Козлова 1992, Стрельцова 1992, Швейцер 1992, Кудрова 1991, Саакянц 1997, Белкина 2000, Рождественская 2002, Лосская 2003].

Можно выделить несколько направлений в изучении творчества поэта:

а) психоаналитическое направление, в центре внимания, которого критика сознания поэта и поиски сублимации бессознательного (например, Л. Фейлер пытается вскрыть через собственное сознание субъективную структуру сознания М. Цветаевой, которая воплощена в совокупности ее текстов). Особенность цветаевского мировидения представители данного направления видят в реализации депрессивного начала, в репрезентации темы матери и ребенка, детства и т.д.;

б) мифокритическое направление, представители которого пытаются уяснить специфику поэтического языка М. Цветаевой, обращаясь к глубинным художественным архетипам, мифологии Древней Греции, русской славянской мифологии. Представителем этого направления является С. Ельницкая, в работах которой доказывается тезис о нерасторжимости творчества и жизни поэта, об их взаимопроникновении. В трудах О.Г. Ревзиной прослеживается тенденция анализа творчества М. Цветаевой с опорой не только на мифологические и литературные реминисценции, но и на архетипы в юнгианском смысле (см. ее докторскую диссертацию);

в) текстологическое, или собственно лингвистическое направление. Анализ творчества поэта в этом случае направлен преимущественно на подробное комментирование словоупотреблений, лексико-грамматических конструкций, использованных М. Цветаевой [Зубова 1986, Черных 2003, Бабенко 2004 и др.]. Биографический комментарий к произведениям отходит на второй план и превращается во вспомогательный метод исследования.

В лингвистическом аспекте творческое наследие М. Цветаевой исследуется разнопланово. Среди основных направлений изучения языка ее произведений следует отметить:

а) установление общих стилевых черт поэзии и прозы поэта [Зубова 1987, 1989; Акбашева 1996, Гаспаров 1997, Шевеленко 2002];

б) рассмотрение отдельных тем и мотивов: образов волка, стекла, музыки, дома и других [Айзенштейн 1990, Гулова 1992, 1997; Азаковский 1997, Ланская 2006, Поликовская 2001, Фещенко 2005];

в) широкий общелингвистический анализ творчества [Зубова 1997, Львова 1987, Синьорини 1996];

г) анализ отдельного стихотворения [Черкасова 1982, Цветкова 2003];

д) изучение звуковой организации цветаевских текстов [Кожевникова 1990, Зубова 1999, Маслова 2002];

е) исследование морфологического аспекта стихотворений [Черкасова 1972, Зубова 1987, 1989, 1999; Сидорова 2000];

ж) анализ ритмических особенностей стихотворений [Иванова-Лукьянова 1996];

з) анализ лексики различных тематических групп, зафиксированных в текстах М.Цветаевой [Зубова 1989, Явинская 2000, Бабенко 2001, Погудина 2003, Черных 2003, Нарынская 2004];

и) изучение фразеологии текстов [Зубова 1987, 1989; Маслова 2000].

Своеобразным «взрывом» в исследовании биографии поэта, его творческой судьбы, общих вопросов поэтики его произведений, а также отдельных тем и мотивов явился 1992 год, год столетия со дня рождения М. Цветаевой. В это время выходит одиннадцатый номер журнала «Звезда», полностью посвященный творчеству поэта. В нем содержатся неопубликованные ранее письма М.И. Цветаевой, воспоминания современников поэта, исследования его творчества (статьи Адмони, Кудровой, Саакянц и других). В журнале «Театр» в том же году была опубликована подборка статей, подготовленная А.А. Нуфриевой, Г. Деминым, Е. Стрельцовой, о постановках пьес М. Цветаевой на сценах московских театров.

Творчество М. Цветаевой изучается не только отечественными учеными, но и зарубежными славистами. В диссертационном исследовании И.К. Цаликовой «Жизнь и творчество М. Цветаевой в рецепции зарубежной славистики» дается обширный обзор различных направлений в исследовании творчества поэта английскими и американскими лингвистами

и литературоведами. Исследователь выделяет несколько этапов в изучении творчества М.И. Цветаевой.

1. В период с 1940 по 1970 год преобладает критико-эмпирическая деятельность: издается основной корпус цветаевских текстов, печатаются проза, драматургия, отдельные лирические циклы (работы С. Карлинского, Ф. Степуна).

2. В 1980-е годы происходит становление цветаеведения как самостоятельной ветви англо-американской славистики (Ани Крот, Дж. Таубман).

3. Для периода 1980 – 1990 годов характерен многосторонний анализ творчества поэта, учет не только биографических фактов и поэтических особенностей произведений, но и историко-культурного контекста (Д.Л. Бургин, А. Левингстоун, Л. Фейлер) [Цаликова 2005].

Остановимся на наиболее значимых лингвистических исследованиях творчества М. Цветаевой.

Работы Л.В. Зубовой, посвященные изучению особенностей словоупотребления М. Цветаевой, являются наиболее полными исследованиями языка поэта. Л. Зубова опирается на большой корпус текстов с целью выявить особенности функционирования слова в поэтической речи М.И. Цветаевой. Она пишет: «Максимализм М. Цветаевой на поверхностном уровне обнаруживается в страстной эмоциональности ее речи, на более глубоком уровне – в том, что эту личность поэта, охваченную страстью, она считает воплощением духа, противостоящего земной обыденности и полно реализующегося за пределами земного бытия – в бессмертии, абсолюте. Поэтому поэтика Цветаевой в большей степени поэтика предельности и преодоления предела» [Зубова 1987:5].

Поэтому и язык поэта обладает особым свойством: он реализует все потенции. Слово живет сразу в нескольких реальностях – узуальной и окказиональной, причем узуальное значение слова может превратиться в окказиональное. Л. Зубова называет синонимию и градацию теми способами

реализации потенциалов языка, которые позволяют привести к «катарсису завершенности» в поэтических произведениях Цветаевой: *Последний, посмертный, бессмертный час*. Интенсификация признака представлена градационными рядами однокоренных слов, в том числе на уровне новообразований: *Ох, мой родный, мой природный, мой безродный брат*. Высшая степень родственности – духовная – представлена эпитетом *безродный* в контекстуально обусловленном значении. *Родный* трактуется по принципу отверженности, а не по принципу родства.

Потенция слова в творчестве поэта, по Л. Зубовой, реализуется в цветочных эпитетах и в квазиомонимах, так часто используемых поэтом. Это связано с теорией М. Цветаевой о взаимоотражении всего сущего и слов друг в друге, когда звуковая и семантическая составляющие слова сближаются в их авторской интерпретации настолько, что мыслятся как изначально родственные (*мех* и *мох*, *плащ* и *плющ*).

Антонимия, внутренняя семантическая противоречивость слова была очень важна для М. Цветаевой как поэта безмерности. Столкновение антонимичных эпитетов создает особую эмоциональную напряженность: *Мой Хладнокровный, мой неистовый // Вольноотпущенник – прости!*

Синтаксическое обновление языка, насыщение его новыми значениями слов проявляется в присоединении к субстантивированному прилагательному нового определения: *От друзей – тебе, подноготную // Тайну Евы от древа вот*. Лексема *подноготная* становится эпитетом к субстантиву *тайна*, что обновляет сочетаемостные возможности слов в составе эпитифразы.

Л. Зубова уделяет внимание также колоративам; отмечает так называемые гомеровские эпитеты (*златоперый, златогривый, златоустый, златорукий, сребротекущий*), а также окказионализмы (*конный сон, апельсиновый сок души*).

В работе «Поэзия Марины Цветаевой» Л.В. Зубова характеризует ее творчество как поэзию предельности и контраста. Основными для

М. Цветаевой тропами она признает гиперболу, градацию, антитезу и оксюморон.

Л.В. Зубова уделяет особое внимание описанию авторской этимологии в стихотворениях поэта. Исследователь выделяет корневой повтор как средство анализа слова в системе его образно-понятийных связей и как средство познания вещей в процессе их названия (*вылиться ливнем проливным*), этимологическую регенерацию, или выделение корня слова и построение художественного текста на актуализации этого корня в ряде контекстуально соположенных слов (*любовь-любой, вольный-владение, веретено-ворчливый, страна-просторный*), поэтическую этимологию (*белокурый-белорукий*) и паронимическую аттракцию - распространение фонетических подобий на семантику слов (*вещь-нищ*).

По Л.В. Зубовой, нерасчлененность, или синкретизм семантики слов является еще одной важной особенностью поэтики цветаевских текстов. Синкретизм может проявляться в совмещении прямого и переносного значений слова (*лихой – плохой товарищ и ласковый*), архаического и современного значений (*правая – праведная*), русского и иноязычного значений.

В русле теории синкретизма и динамичности цветаевского слова автор рассматривает и эпитетные аппозитивные словосочетания, которые поэт моделирует по типу фольклорных фраз (со словом *царь*: *город, дурак, лебедь, парус*). Окаzionaliальные образования также являются показателями синкретизма (*ладанное облако, снеговые скатерти*). Именно в работах Л.В. Зубовой содержатся элементы исследования *цветаевского эпитета*.

В других работах имеются элементы лингвистического анализа произведений поэта, но все они носят эпизодический, частный характер (Козлова 1992, Саакянц 1986).

Современный этап изучения творчества поэта характеризуется переходом от исследования жизни и творчества М. Цветаевой к целостному анализу и описанию картины мира поэта, изучению мотивов, концептов,

архетипов, мифологем творчества. Проявляется повышенный интерес к интертекстуальным связям, традициям, влияниям.

В последнее время появляются исследования поэзии М. Цветаевой, выполненные в русле коммуникативной стилистики художественного текста [Бабенко 2001]; изучается мотивологическая и функциональная природа поэтического слова [Погудина 2003], семантическая емкость и компрессия слова [Черных 2003], семантический потенциал образного слова [Бабенко 2004].

Диссертационное исследование Е.Ю. Погудиной посвящено функционально-мотивологической структуре поэтических текстов М.И. Цветаевой. Исследователь утверждает, что «специфика функционирования мотивации в творчестве того или иного художника отражает особенности его индивидуально-художественного стиля» [Погудина 2003:56]. Для нас важным в этой работе является понятие «объединение мотивационно связанных пар», в рамках которого функционирует эпитет: *Над городом, отвергнутым Петром / Перекатился колокольный гром* или: *Гремучий опрокинулся прибой / Над женщиной, отвергнутой тобой*.

Работы И.И. Бабенко и Н.В. Черных посвящены общим особенностям поэтического слова в художественных текстах. Диссертация И.И. Бабенко «Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М.И. Цветаевой» ставит целью изучение коммуникативного потенциала ключевых слов в поэзии М.И. Цветаевой. Автор выделяет шесть аспектов слова, которые эстетически актуализируются:

-«ориентация на фонетическую значимость /звучание/ слова («в рокота гитар рокочи гортань...»);

-грамматически большую коммуникативную нагрузку в текстах М. Цветаевой несут имена существительные, так как, создавая поэтический мир высоких вымыслов, автор стремится объективировать его, сделать сущностным, предметным;

-индивидуально-авторская словообразовательная мотивация: *Жизнь, ты вечно рифмуешься с: лживо, // Безошибочен певчий слух! // ...Жизнь, ты явно рифмуешься с жиром: // Жизнь: держи его! Жизнь: нажмим;*

-яркая стилистическая маркированность слов (*пиит, серафим, мякина* – о человеке);

-компоненты коннотации лексической единицы (культурный, экспрессивный, эмотивный, образный, оценочный, идеологический, социальный и этикетный), обусловленные его узуальными связями и ассоциативной сопряжённостью с контекстом, передают важнейшую для коммуникативного акта информацию, делают общение субъективно окрашенным, личностно значимым (*белый* – чистота помыслов, святость)» [Бабенко 2001: 5-8].

Большой заслугой автора можно считать выделение важнейших для М. Цветаевой концептов: *человек как живое существо, природа, цвет, человек и его способности, проявления, время, любовь, социальный статус личности, вероисповедание и религия, жизнь движение, сон, жилище человека, возраст, творчество, одежда* (в порядке убывания частотности).

Кроме того, И.И. Бабенко впервые описаны особые типы переносов значения слова – семантические метаморфозы: «Метаморфозы представляют собой крайнюю степень изменения семантики слова, художественно детерминированное коренное её «искажение», предпринятое автором для создания уникального эстетического смысла и особого прагматического эффекта» [Бабенко 2001:11] Например, в выражении «*Как мы вероломны, то есть – // Как сами себе верны*» поэт намеренно игнорирует явные, легко угадываемые лексические мотиваторы слова *вероломство*, предлагая свой (*вера*).

Н.В. Черных, в центре внимания которой находится категория семантической емкости слова, рассматривает явление компрессии поэтического высказывания на примере анализа концептов поэта (таких, как *болезный, руки, провода, душа* и другие) и приходит к выводу, что

приращение смысла в творчестве М. Цветаевой происходит непоследовательно, что связано с амбивалентностью восприятия ею мира. Основным законом функционирования слова признается поляризация значений полисемы [Черных 2003]. Целью анализа является комплексное рассмотрение функционально-семантического механизма реализации семантической ёмкости слова в рамках теории семантического поля в идиолекте М. Цветаевой. Н.В. Черных подчёркивает, что семантическое поле является универсальным способом описания лексических потенций поэтического слова: «...мы определяем семантическое поле как пространство поэтического текста, организованное множеством значений, имеющих общий семантический компонент...» [Черных 2003: 3]. Исследователь приходит к выводу о том, что все основные ключевые слова в творчестве М. Цветаевой имеют истоки в концепте «творчество». Комплексный анализ посредством семантических полей и ключевых слов позволяет не препарировать текст, а сохранять его целостность и единство в ходе анализа.

Изучение метафорических, метонимических образов, созданных поэтом, проводится с опорой на анализ отдельного мотива или темы (тема *творчества, одиночества, любви, страсти, предельности* и т.д.). Учеными рассматривались ключевые слова творчества поэта: *быт* [Зубова, Шевеленко 2002], *бытие* [Зубова], *предел* [Черных 2003], *чужой* [Погудина 2003].

Эпитет как средство создания художественного образа в текстах произведений М.Цветаевой (за исключением указанных выше работ Л.В.Зубовой) пока не становился объектом специального анализа лингвистов.

Выводы по главе:

Несмотря на наличие многих направлений исследования языка произведений М. Цветаевой, ощущается недостаток работ, посвященных отдельным образным средствам и фигурам. Эпитеты в творчестве М.И. Цветаевой ещё не были объектом специального лингвистического и

литературоведческого исследования, о них лишь попутно говорится в работах Л.В. Зубовой. В силу этого представляется актуальным исследование эпитета в творчестве М. Цветаевой.

Как можно видеть из обзора подходов к дефиниции художественного определения и его типологии, в эпитетологии остается много дискуссионных вопросов относительно не только классификации определений, но и относительно границ самого понятия «эпитет». Весь этот комплекс проблем отражается в поверхностном описании эпитетов в научной литературе, в отсутствии специальных работ, посвященных механизмам его образования и его образному потенциалу.

Эпитет – это экспрессивно-образное, оценочное, субъективное определение объекта действительности, функционирующее в рамках художественного дискурса.

Постоянный и переносный типы эпитетов являются основными разновидностями художественного определения. Сложным является вопрос о составе и типологии постоянных эпитетов. Фольклорный, формульный и народно-поэтический эпитеты являются принципиально не сводимыми к постоянному эпитету, хотя нельзя отрицать их общности. Сам термин «постоянный эпитет» приложим не только к народному фольклорному творчеству, но и к формулам-клише, употребляющимся в поэтическом языке определенной эпохи.

В работе ставится задача описания эпитетов с двух позиций: с одной стороны, представляется актуальным исследование формальных особенностей эпитетов с точки зрения их морфологических типов, структурных особенностей, выявление механизмов изменения семантики слов в роли эпитетов; с другой стороны, важно описать семантические разновидности определений и условия, при которых они становятся эпитетами. Посредством изучения эпитета как одного из тропов делается попытка установить закономерности не только языкового, но и идейно-

тематического характера - выявить роль слов признаковой семантики в формировании ключевых смыслов творчества поэта.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНИРОВАННЫЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ПРЕЦЕДЕНТНОГО МИРА АВТОРА

2.1. Морфологические типы эпитетов в текстах произведений

М.И. Цветаевой

Морфологическая классификация эпитетов предполагает собой деление их на группы с определенной частеречной принадлежностью. Типичную группу эпитетов составляют такие части речи, как прилагательное и наречие. Вторую группу слов составляют причастие, местоимение-прилагательное, существительное-аппозитив; третья группа слов представлена местоимением, деепричастием и инфинитивом, выражающими при определенном семантическом или синтаксическом окружении атрибутивное значение. В современной лингвистике понятие «эпитет» понимается достаточно широко, поэтому в состав эпитета попадают числительные, деепричастия и другие части речи.

Основная часть эпитетов, обнаруженных в произведениях М.И. Цветаевой, представлена прилагательными, что объясняется специализацией этой части речи на признаковой семантике.

Интересной чертой идиостиля М.И. Цветаевой является использование качественных сем в значении некачественных прилагательных и особое внимание к аппозитивным эпитетам.

Качественное прилагательное – основной разряд атрибутивных слов, репрезентирующий эпитет; оно содержит информацию об объективном, чувственно воспринимаемом признаке, его образное целостное представление. Это представление обогащается авторскими смыслами: можно сказать, что прототипическое значение является основой для лексико-семантического варьирования, которое в некоторой степени прогнозируемо и имеет регулярные реализации. Способность обычного, логического

адъектива переходить в эпитет объясняется зачастую обогащением его семантики экспрессивными, стилистическими оттенками значения, необычным контекстным окружением, семантической деривацией различных типов и т.д. В рамках данного раздела отметим, что адъектив в цветаевских текстах приобретает важную особенность: использование признакового слова, наделение объекта тем или иным свойством проводится поэтом ситуативно и окказионально – отсюда неожиданные, неузальные эпифразы. Так, например, говоря о А. Блоке, М. Цветаева характеризует взгляд поэта: *нежная стужа недвижных век: стужа* вызывает ассоциации *недобрый, черствый*, а эпитет *нежный* призван смягчить это значение; но *стужа* в данном контексте связана со смертью поэта, это *бездыханность, холод смерти* – даже после кончины *глаза поэта живые, нежные, а имя твое – поцелуй в снег, в холод, внезапно короткое имя «блок*. Средством характеристики становится эпитетный комплекс *поцелуй в снег*.

Антропоцентричность поэзии М. Цветаевой вызывает использование качественных метонимических эпитетов: *голодная тоска, печальные глаза, капризная роскошь глаз* и многие другие. В целом корпус качественных цветаевских эпитетов демонстрирует использование как устойчивых, узальных определений (*печальный взгляд*), так и переносных эпитетов.

Эпитеты, выраженные качественным прилагательным в сравнительной степени : *Насколько лес добрее моря...* [Цветаева 1999]; *Снеговее скатерти, Мертвец – весь сказ! // Вся-то кровь до капельки // К губам собралась!* [Цветаева 1999].

Окказиональная форма *снеговее* говорит о факте семантической трансформации относительного прилагательного, об актуализации в его значении качественного колоративного смысла (*белее*). Показателем формирования качественной семантики является употребление его в сравнительной степени.

Активное употребление поэтом разговорной формы сравнительной степени с суффиксом *-ей*, возможно, обусловлено повышенной

экспрессивностью данных лексем; с другой стороны, тенденцией развития поэтического языка данного периода, к которому принадлежит творчество М. Цветаевой, является активизация разговорной лексики в речи поэтов и писателей: *И зала делалась просторней // И уже – грудь; А голос-то – острей ножа; Все бледней лазурный остров - детство; Еще стремительней хвала...; Ум – отрезвленной, грудь свободней; Горы – редей темени... ; Небо – синей знамени...; Море – седей времени.* Кроме того, эта форма обеспечивает соответствующую ритмическую организацию текста.

Сравнительная степень адъектива призвана передать большую или меньшую степень проявления признака. В цветаевских текстах формы адъектива в сравнительной степени привлекают внимание за счет необычного интонационного и пунктуационного оформления высказывания: чаще всего это постпозиция, эпитет стоит в функции сказуемого; причем место для локализации словно *расчищается* поэтом посредством постановки тире, интонационно подчеркивается значимость эпитета. *Ум – отрезвленной, грудь свободней, а голос-то – острей ножа* и т.д. Характеристика реалии сочетается со сравнением с другими реалиями, так сопоставление становится целью высказывания.

Немногие эпитеты в форме сравнительной степени выражают по своей сути семантику превосходной степени – через сравнение с эталонным носителем данного качества указывают на высшую степень проявления этого качества: *голос – острей ножа (не просто острый, как нож, а очень острый) или небо – синей знамени (не просто синее, как знамя, а очень синее)*. Некоторые из приведенных эпитетов можно условно отнести к качественным: наряду с основной семантикой относительного адъектива (*снеговее*) или причастия (*отрезвленной*) заметна обновленная поэтом семантика слова: *белее* в первом случае и *независимее* во втором.

Относительные прилагательные дубовый и топорный приобретают у М. Цветаевой окказиональную сравнительную степень:

*Любят – думаете? Нет, рубят / Так! Нет - губят! Нет – жилы рвут!
/ О, как мало и плохо любят! / Любят, рубят - единый звук! Мертвенный! / И
сие любовью Величаете? Мышц игра – / И не боле! Бревна дубовой / И
топорнее топора.*

Дубовый – это жесткий, грубый (по отношению к человеку), бесчувственный. Прилагательное *дубовее* обладает семантической емкостью: *это грубая, неуклюжая, бездушная любовь, грубее, чем тот, кто проявляет ее (как бревно). Топорный* – тоже грубый, эта любовь неуклюжа, как бы сделана топором, но любовь и разит сильнее, чем топор.

Окказиональны многие цветаевские эпитеты в форме сравнительной степени. Например, эпитет *поволчей* (*Тишаю, дичаю, волчею... Как мне все-равны, всем-равна, / Волчонка - еще поволчей*), образованный от глагола *волчеть* посредством окказионального добавления суффикса сравнительной степени *-ее*; этот прием позволяет передать всю степень одиночества героини стихотворения, указав на определенную «стадию» этого одиночества.

Эпитеты, выраженные качественным прилагательным в превосходной степени:

а) эпитеты, выраженные качественным прилагательным в превосходной степени с помощью суффикса *-ейш*, в том числе в сочетании с приставкой *наи-*, которая способствует дополнительной актуализации высшей степени признака.

Часто выраженным в форме превосходной степени оказывается такое качество, как страстный: *... я в свои лучшие высшие сильнейшие, страстнейшие часы – сама такая же; Страстнейшая из всех смертей // Нежнейшая.*

Другие качества и свойства, вербализованные в данной форме, довольно разнородны: *Чужая кровь - желаннейшая и чуждейшая из всех; За безобиднейшую фразу // Грозя ножом...; Грех последний, неоправданнейший; Я зло познала сладчайшее; С тобой, нелепейшая роскошь...; Честь, безжалостнейший канат...; Рыцарь...// Сын голубейшей из отчизн.*

Во фрагменте *На заре – наimedленной кровью // На заре – наивяственнейшая тишь* заря мыслится как время пробуждения человека, когда в его жилах течет наimedленной кровью, а в природе еще – наивяственнейшая тишь. Оказиональные формы эпитетов (а они воспринимаются как ненормативные, особо экспрессивные) призваны усилить признак или подчеркнуть его противоположность другому признаку (*желаннейшая* (узуальное) и *чуждейшая* (оказиональное), *голубейшая из отчизн*).

б) эпитеты, выраженные аналитической формой превосходной степени прилагательного с помощью лексем *самый*, *всех*: *Для поэта самый страшный, самый злостный (и самый почетный!) враг – видимое; Роднее бывшее – всего*.

Эпитеты, выраженные прилагательным в превосходной степени, репрезентируются М. Цветаевой своеобразно: характерно нагнетание, амплификация однородных по форме и контекстуально близких по семантике эпитетов (*самый страшный, самый злостный и самый почетный*), дислокутивное положение частей аналитической формы эпитетов (*роднее бывшее – всего*). Дистантное положение частей единой аналитической формы сложного или составного адъектива призвано передать волнение, страстность лирического героя, а поскольку последний элемент эпитетного ряда сознается как наиболее важный, то он выносится в конец строки (ср. *роднее всего – бывшее и роднее бывшее – всего – разные смыслы*: акцент делается на прошлом или на степени переживания).

Страстность поэтического Я.М. Цветаевой выражается в различных способах экспликации интенсивного проявления признака, что связано с сильными чувствами поэта: любовью, ненавистью и т.д. Формальным выражением данной интенции цветаевского поэтического дискурса является эпитет, выраженный прилагательным в превосходной степени, с учетом всех ресурсов языка: посредством приставки *наи-*, суффикса *-ейш/-айш-*, с использованием аналитической формы превосходной степени, а также путем

особого использования форм сравнительной степени, получающих в контексте значение высшего проявления качества. Сочетание различных способов выражения высшей степени качества в одной словоформе способствует полному выражению чувств поэта.

Эпитеты, выраженные качественным прилагательным в краткой форме.

Краткая форма адъектива специализируется на предикативной или полупредикативной функции. В краткой форме могут находиться признаки, описывающие явления природы, непостоянные в своих проявлениях или воспринимаемые с таковой позиции: *Воздух удушлив и сух; Воздух прян и как будто отравлен; Скоро месяц, юн и тонок, // Сменит алую зарю.*

Частотно также использование рассматриваемой формы адъектива при описании мира человека и артефактов, окружающих его: *Шумны вечерние бульвары; Телом льстив, // Взором дик; Розан ал, студень гол. // А будильник – зол; Город Гаммельн // Словом скромн, делом строг.*

Особой экспрессией и образностью наполнены эпифразы с краткой формой адъектива, отсылающие к абстракции: *Юность слепа; Только днем объятья грубы, // Только днем порыв смешон.*

При анализе корпуса качественных прилагательных, выступающих в функции эпитета в текстах М. Цветаевой, то есть имеющих семантические приращения в составе поэтического контекста, установлено, что наряду с использованием узуальных, устойчивых смыслов в семантической структуре адъектив – *скучные дни, удушливый воздух* – наблюдается расширение ассоциативных связей между значениями субстантива и адъектива. В выражении мой день беспутен и нелеп эпитет беспутен заимствован из смежной концептуальной сферы «человек»: только человек может быть беспутным (*легкомысленным, развратным*). Этот признак распространяется на смежное слово день; специфика *окачества* темпорального понятия состоит в том, что поэт характеризует не просто день как временной отрезок, но состояние лирической героини в данный момент (*день* – неточное

обозначение времени); ср.: *суетливый, счастливый день*; эпитет *беспутный* уточняется вторым эпитетом *нелепый*, что меняет семантику первого слова: *неудачный, бессмысленный*.

Во фразе *День был невинен, и ветер был свеж* эмоциональное восприятие действительности выражается поэтом посредством семантического дублирования: *погожий день* описан двумя взаимодополняющими эпитетными комплексами: в первом – *день был невинен* – задается общее восприятие обстановки, лейтмотив, во втором содержится его уточнение – *невинность и свежесть* сближаются, почти синонимизируются в контексте сложной эпифразы.

Стилистическая функция эпитетов, выраженных качественными прилагательными, состоит в уточнении, чаще эмоциональном, той ситуации, в которой пребывает лирическое Я поэта.

Выражение целостного сложного эмоционального состояния, во многом противоречивого и парадоксального, – основная цель цветаевского высказывания, что наиболее полно выражается в целостной эпифразе.

Эпитеты, выраженные относительным прилагательным (нередко развивающим в контексте качественный смысл).

К ним относятся лексемы, характеризующие:

– качества и признаки живых существ: *Стыдливости детской // С гордынею конской // Союз; Суровая – детская – смертная важность; Огнестрельная воля бдит (образное осмысление абстрактного имени); Цыганская страсть разлуки! // Чуть встретишь - уж рвёшься прочь! ; ... мандаринные улыбки... (речь идёт об улыбке-благодарности за подаренные мандарины); Торопится мой конный сон; Палестинские жилы! – Смолы тяжелее // Протекает в вас древняя грусть Саула;*

– качества абстракций: *Есть времена – железные! – для всех (очень тяжёлые, суровые);*

– признаки природных реалий: *Накрапывает колокольный дождь (о звуке, создаваемом каплями дождя); Чешский лесок – самый лесной.*

Как видим, относительные эпитеты очень разноплановы по семантике. В большинстве случаев наблюдается окказиональная сочетаемость, она обуславливает семантическую трансформацию эпитета.

Относительные прилагательные в цветаевских текстах, уступая по количеству качественным, являют собой яркий пример работы поэта с адъективной лексикой. Они развивают качественные значения, поэтому можно говорить об их значениях, реализуемых в функции эпитета, как о переходных между относительным и качественным. Этот факт связан с общим развитием категории качества в русском языке и с «универсальной смысловой податливостью» адъективов (см. работы Шрамма, Булыгиной, Уфимцевой). «Семантическая граница между качественными и относительными прилагательными условна и непостоянна... При этом значение предметного отношения в прилагательном совмещается со значением качественной характеристики этого отношения: железное здоровье, железная воля» [Русская грамматика 1980:622]. Эпифраза железные времена представляет собой типичный пример такого перехода: это трудное, полное лишений и горестей войны время.

Яркой иллюстрацией работы поэта с относительным адъективом является следующий контекст: *Словно кто на лоб ей выжал // Персик апельсиновый. // Апельсинный, абрикосный, // Лейся, сок души роскошный, // Лейся вдоль щек – // Сок преценный, янтаревый, // Дар души ее суровой, // Лейся в песок!*

Значение лексемы апельсиновый - «относящийся к апельсину» (*апельсиновое дерево, апельсиновые корки*). В поэме *Царь-Девуца* данное слово становится эпитетом, приобретая несколько новых сем: *слезный (то есть сочный), сладкий, живительный, драгоценный (янтаревый), нежный (как персик)*. Перед нами не простое «окачествование» прилагательного, но и диффузность семантики слова, синкретичность значения эпитета.

Класс относительно-притяжательных прилагательных не остается семантически постоянным. Прилагательные с суффиксом *-ск*, имеющие

значение «относящийся к»: чешский, палестинский, цыганский обогащаются различными смыслами. Эпифраза Чешский дождь, пражская обида может быть понята в контексте биографии поэта: М. Цветаева долгое время прожила в Чехии, захваченной фашистами, поэтому адъективы становятся носителями и исторической памяти, и личного авторского чувства, теряя свою «относительность» и приближаясь к «качественности» (заметим, что опосредованная притяжательность, принадлежность только усиливается через «окачествление», еще больше подчеркивается). Во фрагменте *цыганская страсть разлуки! Чуть встретишь – уж рвешься прочь* демонстрирует типичную для поэтического языка М. Цветаевой трансформацию значения некачественного адъектива: обновление значения происходит за счет актуализации потенциальной, эмоциональной семы слова *цыганская*: непостоянная, временная, ветреная. Так, в разряде эпитетов, выраженных относительно-притяжательными и относительными прилагательными, имеет место переосмысление значения адъектива, обогащение его семантики новыми, качественными признаками.

Эпитеты, выраженные притяжательным прилагательным.

Притяжательные адъективы подчеркнута оценочно и эмоционально называют качество:

– одушевленной (человеческой, в том числе мифологической) реалии: *Слезы в твоих глаза... Числится, кроме твоих // Глаз Колумбовых... ; Поэтовы затмения // Не предугаданы календарем; Ребячьей радостью встретил – страх; Сыновней гордостью встретил - чин; Она томилась лаской Вакховой... ; Дабы ты меня не слушал // В ночь - в премудрости старушкой: // Скрытничестве – укреплюсь; Довольно царицыны недра // Порочить...; Когда ж опять на грудь твою ступлю // Заносчивой пятою амазоньей ; Ночь - твой рапсодов плац;*

– одушевленной (животной) реалии: *В кошачьем сердце нет стыда (речь идет о сравнении сердца героя с кошачьим, непостоянным); Волчьими*

искрами // Сквозь вьюжный мех; Новая найдется дура – // Верить в волчью седину.

Притяжательные прилагательные чаще представлены в цветаевском идиолекте разговорными формами с суффиксом *-ий, -ьй* (*ребячья радость*) или книжными, но устаревшими формами с суффиксами *-ов, -ын* (*царицыны недра*), что говорит о стилистической маркированности данного пласта эпитетов.

В Русской грамматике отмечается: «Среди притяжательных прилагательных способность приобретать качественное значение отличает прежде всего прилагательные с суффиксом *-ий*. Прилагательные с этим суффиксом имеют знач. свойственный (*реже – принадлежащий*) тому, кто назван мотивирующим словом: *рыбий, кошачий, собачий, телячий, человеческий*. В условиях контекста такие прилагательные легко приобретают качественные значения» [Русская грамматика 1980: 577]. Зачастую так происходит и в нашем материале. Особенно этот семантический сдвиг важен для концептуального цветаевского эпитета *амазоний*, который означает не просто *относящийся к амазонке*, но и *воинственный, мужской, мой* (см. мысль Д.Л. Бургин о самоидентификации Цветаевой в образе амазонки). Иными словами, происходит развёртывание образа в разных семантических направлениях, с акцентировкой различных свойств и качеств: *вакховый – хмельной, нежный, расслабленный; амазоний – независимый, мужественно-женственный, воинственный, мой (цветаевский)*.

Притяжательные прилагательные также содержат в своем значении такие семы, которые зачастую позволяют квалифицировать такие адъективы как условно качественные, хотя учеными замечено, что такие адъективы редко развивают качественное значение. Так, прилагательное *кошачий*, относящееся к субстантиву *сердце*, приобретает дополнительное значение: *бесстыжий, наглый, непостоянный* за счет постпозиционного уточнения *нет стыда*. Толкование такого эпитета не составляет труда, чего нельзя сказать о некоторых других. Например, эпитет в выражении *глаза Колумбовы*

явно окказионален и может быть интерпретирован по-разному (*глаза Колумба, глаза, как у Колумба, для героини – глаза первого любимого мужчины*).

В лирике М. Цветаевой часто происходит формальное и содержательное обновление эпитета: *Что же делать мне, слепцу и пасынку, // В мире, где каждый и отч и зряч, // Где по анафемам, как по насыпям, – // Страсти! где насморком // Назван – плач*. В данном фрагменте форма *зряч* является узуальной, но имеет несколько иное значение, чем в речи. *Зрячий* – это не просто *имеющий зрение*, но и тот, кто смог приспособиться к этому миру, к быту. *Отч* – архаичная форма прилагательного *отчий* (*отча рука, отче достояние*), но также приобретшая новое, *цветаевское* значение – это выражение соборности, это *понятый и принятый людьми*. Данные адъективы вступают в реляционные связи с субстантивами *слепец* и *пасынок* – так устанавливаются связи контекстуальной синонимии (*зряч и отч, слепец и пасынок*) и контекстуальной антонимии (*зряч и слепец, отч и пасынок*).

При всем многообразии авторских эпитетов, приведенных выше, отметим одну особенность – практически все они, несмотря на условное разделение их по разрядам прилагательных, изменяют свое значение в контексте, получают качественную семантику.

Сложные семантические преобразования происходят и с прилагательным *мандаринные* (*улыбки*): адъектив на базе значения *относящийся к мандаринам, связанный с мандаринами* развивает в данных контекстуальных условиях смысл «особое эмоциональное состояние человека, которое осталось в его памяти в связи с событием «дарения» мандарина». Эпитет связывает в воспоминании поэта прошедшее событие и его эмоциональное переживание. В семантике прилагательного актуализируются потенциальные семы, которые в данном контексте – контексте воспоминания – становятся архисемами. Эпитеты подобного типа являются окказиональными образованиями поэта, интерпретация которых требует от читателя «событийной» и «эмоциональной» эрудиции. Такое

определение становится маркером конкретной ситуации, пережитой поэтом, – происходит расширение семантики эпитета.

Эпитеты, выраженные наречием, категорией состояния:

а) эпитеты, выраженные наречием, категорией состояния с суффиксом -о.

Больше всего материала приходится на обозначение эпитетом психологического/эмоционального состояния субъекта: *О как солнечно и как звездно // Начат жизненный первый том!; По-русски трудно мыслить, по-русски – чудно мыслить; В мои глаза несмело ты хочешь заглянуть; Но глядела в партер – безучастно и весело – дама; ...гневно сдвинутые брови и уста; ... скорбно склоняется к детям столетняя ель; Но только не стой угрюмо; Вы это сделали без зла, // Невинно и непоправимо; О, ты, что впервые смущенно влюблен; Замирает сладко детский дух; Как радостно пиньи шумят! ;*

б) эпитеты, выраженные наречием, категорией состояния с суффиксом -и (или с финалью -ски): *Склонился, королевски-прост ; Все дьявольски-наоборот ; Парень! Не по-маяковски // Действуешь: по-шаховски ; Макс, мне было так братски // Спать на твоём плече!*

Обычно наречие в качестве эпитета употребляется в своей типичной синтаксической функции обстоятельства (за исключением предикативных наречий) и имеет образную природу. Если же наречие начинает функционировать как языковая единица с синтаксически связанным лексическим значением, понятным в конкретном контексте, налицо его подчеркнуто окказиональное употребление – оно становится эпитетом в полном смысле этого слова. В последней рубрике приведены именно такие случаи: в словосочетании *вопрос о любви-вблизи и любви-издалека, о любви-воочию... о любви-невтерпеж* эпитеты-наречия выступают в функции несогласованного определения, приближаясь к прилагательному, типичному выразителю качества.

Эпитеты, выраженные существительным (аппозитивами и предложно-падежными формами существительного).

Аппозитивы представлены разнообразными существительными с оценочным значением: *девочка-фея, мальчик-бред, девочка-смерть, отрок-царь, румянец-богатырь и т.д.*

Аппозитивные сочетания также представлены блочными эпифразами, единичными высказываниями: *Торопись, ветрило-вихрь-бродяга... ; Ночлег-человек, // Простор-человек, // Прошел-человек. ; ... и с такою длинной – Вот-до-полу-косой, чтоб не узнал!*

В структуре эпифразы используется двоеточие: между определяемым словом и эпитетом: *Руки: свет и соль, // Губы: смоль и кровь; в составе распространенного эпитета: Жизнь без чехла: // Кровью запахло ; Девичий и мальчишеский: на самом рубеже, Единственный из тысячи – и сорванный уже (об альте) .*

Обе разновидности эпитетов обладают яркой образностью и необычным графическим оформлением, которые обеспечивают повышенную семантическую емкость, заданную ассоциативной связью существительных (*жизнь – чехол; ветер – бродяга, руки - свет*).

Окказиональными эпитетами М. Цветаевой можно считать аппозитивы, занимающие препозицию: в таком случае поэт «выхватывает» из множества признаков один, бросившийся ему в глаза, – выбор эпитета ситуативен и зачастую связан с личным опытом автора: *Ночлег-человек, Простор-человек, Прошел-человек*. Подавляющее же большинство эпитетов-субстантивов составляют постпорционные сочетания слов.

Жизнь поэта – *нараспашку*, до предела чувств находит выражение в эпифразе *жизнь без чехла*. Образ получает уточнение за счет расширения ситуации и эпитетного комплекса: *кровью запахло как выражение высшей степени духовной разъятости*. Эпитет без чехла становится своеобразным поводом для раскручивания физиологической метафоры жизни.

Как видно из описания, субстантивы в роли эпитетов – очень яркое средство художественной речи, способное с неожиданной стороны охарактеризовать предмет речи; используются они тогда, когда чувствуется недостаток адъективной лексики для номинации сложного признака.

Постоянное изменение семантики определения-прилагательного способствует переходу практически всех типов адъективов в разряд качественных; конструирование аппозитивных эпитетов является яркой чертой идиолекта М. Цветаевой.

Таким образом, морфологический аспект классификации эпитетов пересекается с семантическим анализом адъективных лексем в силу окказиональности употребления прилагательных различных разрядов.

2.2. Семантические группы лексем, выступающих в функции эпитетов, в текстах произведений М. Цветаевой

Под семантической группой понимается объединение лексики на основе общего денотативного компонента значения, общих категориально-грамматической и категориально-лексической сем. Среди лексем-эпитетов, выраженных прилагательными, наречиями, причастиями и деепричастиями, выделяются четыре семантические группы художественных определений, зафиксированные в текстах произведений М. Цветаевой (в порядке убывания количества словоупотреблений эпитетов, образующих данную группу). Первые две группы наиболее репрезентативны по количеству употреблений эпитетов и по составу лексем, две других менее употребительны, но интересны с точки зрения семантических модификаций эпитетов.

1. Лексемы, характеризующие лицо: *ревнивый ветер*.

2. Семантическая группа лексем, обозначающих физические свойства бытия: *сладкий обман*.

3. Особая группа «динамических» эпитетов: *ввысь сорвавшийся лес*.

4. Лексемы, обозначающие оценку «в чистом виде»: *прекрасные глаза, великолепная картина*.

Рассмотрим подробнее семантические группы слов-эпитетов, зафиксированные в текстах М. Цветаевой. Все они употребляются в различных значениях: некоторые в прямом (*легкая ноша*), другие в переносном (*громкое сердце*). Вначале с целью семантической рубрикации приводится общий состав лексем-эпитетов безотносительно к их конкретному значению с некоторыми примерами употребления; ниже будет описан механизм образования переносных значений эпитетов.

5. Лексемы, характеризующие лицо

Группа лексем, характеризующих субъекта (человека, а также живое существо), является самой многочисленной и продуктивной в творчестве М. Цветаевой. С одной стороны, это объясняется особым вниманием поэта к человеку, его внутренней жизни, будь то лирическая героиня или персонажи произведений, а также во многом общеязыковой и общепоэтической тенденциями в олицетворении реалий действительности или метонимического обозначения человека.

6. Семантическая группа лексем, обозначающих физические свойства бытия (группа эмпирических эпитетов)

Термин «эмпирические прилагательные» (А.И. Шрамм) используется лингвистами для отграничения определений, описывающих физические, наблюдаемые признаки предметов и явлений, от определений, относящихся к абстрактным понятиям. М.Ю. Сидорова вводит термин «наблюдаемые эмпирические прилагательные», подразумевая под ними те, которые характеризуют цвет, форму, материал предметов, в отличие от оценочных и эмоциональных, семантика которых определяется субъектом речи, а не реальными свойствами объектов [Сидорова 1994].

7. «Динамические» эпитеты

К динамическим эпитетам относятся в основном эпитеты-причастия, связанные с действиями, производимыми стихийными силами (природными

явлениями, стихиями или силами, не зависящими от человека). (Горения и температурного состояния: *горящий, дымящий, жгущий, остывший; палящий, раскаленный.*)

8. Семантическая группа эпитетов лексем, обозначающих оценку

Данная группа эпитетов несколько условна, поскольку оценочный компонент может передаваться и многими другими группами определений. К данной группе относятся слова-эпитеты, обозначающие оценку «в чистом виде» (*прекрасные глаза, великолепная картина*) и лексем с семантикой сравнения (*по-маяковски, по-шаховски*).

2.3. Сочетаемость групп лексем в роли эпитетов с группами определяемых слов: основные закономерности

Отметим, что в текстах произведений М. Цветаевой намечается, с одной стороны, тенденция к использованию в рамках одной эпифразы субстантивной и адъективной лексики одной семантики (наименования органов тела человека, абстрактных понятий: любовь, совесть, память и т.д., напр.: *памятливая совесть*), а с другой стороны, налицо тенденция переноса слов-определений из одной тематической сферы в другую.

Рассмотрение тенденций сочетаемости эпитетов и определяемых слов в произведениях М. Цветаевой привело к следующим выводам. Самой употребительной группой лексем в функции эпитетов оказалась группа определений концептосферы человека, самыми частотными из которых являются определения эмоционального и характерологического типов; немного уступают им эпитеты, описывающие физические свойства предметов. Сочетаемость групп эпитетов с различными определяемыми словами дает основания говорить о преобладании логики олицетворения и персонализации: при субстантивах, связанных со всеми сферами, преобладают эпитеты антропологической (прежде всего эмоциональной) семантики, что способствует образованию метонимических (в сфере

человека) и метафорических (в сферах артефактов и природы) эпитетов. Семантика определений зачастую трансформируется: прямое значение определения приобретает дополнительные оттенки смысла в силу своей принадлежности к иной денотативной области.

Наиболее показательной группой эпитетов с позиции сочетаемости с субстантивами в текстах М. Цветаевой является группа, характеризующая субъекта. По этой причине подробно остановимся на рассмотрении именно ее; остальные группы присутствуют в работе в виде иллюстраций периферийных типов переносов.

Несмотря на многообразие эпитетов и определяемых слов, относящихся к группе состояния субъекта, можно проследить некоторые тенденции в их употреблении. Идиостиль М. Цветаевой характеризуется повышенным вниманием к изображению внутренней жизни субъекта; ее описание в рамках эпифраз происходит путем привлечения эпитетов сферы «человек» в сочетании с субстантивами преимущественно этой же субсферы – в таком случае образуется метонимический эпитет; если в качестве субъекта выступает природный объект или артефакт, происходит конструирование эпифразы с метафорическим эпитетом.

1. Сфера человека

В текстах М. Цветаевой среди выделенных выше тематических сфер, образуемых субстантивами, – человека, предметной и природной – наиболее представительной с учетом количества различных имен, частотности их словоупотребления, а также разнообразия эпитетов, употребляемых при них в составе эпифраз, является сфера человека. Большинство случаев словоупотреблений субстантивов включают эпитеты, относящиеся к данной сфере (*унылый час, мятежный карандаш, нежная рука, скрытные ресницы, заспанная рука* и т.д.).

Сфера человека, будучи самой репрезентативной и представленной многообразными именами, демонстрирует сочетаемость с эпитетами, относящимися к семантической группе «определения, характеризующие

человека (субъекта)». Эпитеты тяготеют к метонимическому означиванию субъекта (лица), сочетаясь с различными определяемыми словами, обозначающими части человеческого тела или абстрактные понятия сферы человека.

Субстантивы, номинирующие части человеческого тела, чаще всего используются в сочетании с эмоциональными эпитетами и эпитетами, обозначающими физическое состояние человека. В этом случае внутреннее состояние человека (типичное для него или ситуативно обусловленное) своеобразно проецируется на те или иные детали его облика, воспринимаемые извне. Так возникает метонимический эпитет: *А рука-то занемелая, // А рука-то сонная...* (рука сонного человека), *Вызов смелого жеста* (жест человека, способного на смелые поступки); *На завитки ресниц // Невинных и наглых... Загляделся один человек...* (завитки ресниц человека, испытывающего чувство наглости); *Отказ равнодушных глаз...* (в глазах читается отказ человека, испытывающего равнодушие); *Дерзкая, – ох! – кровь* (характер человека – дерзкий); *Рвусь к любимому плечу [1:52]* (к любимому человеку, к плечу любимого); *Дугой согбен, все – гордая спина* (спина гордого человека; спина – частый заместитель человека вообще).

При обозначении частей тела человека сочетаемость таких имен (*глаза, рука, рот, кровь, спина* и т.д.) с эмоциональными и характерологическими эпитетами воспринимается как общеязыковое и общепозитическое языковое словоупотребление, пусть и очень часто используемое поэтом. В тех же случаях, когда употребляются субстантивы абстрактного типа, происходит олицетворение или персонификация отвлеченных понятий, что влечет за собой появление яркого образа, построенного, с одной стороны, на метафорическом уподоблении абстракции человеку, а с другой стороны, на метонимическом сближении признака и имени, относящихся к одной денотативной сфере.

Такое признаковое моделирование абстрактных концептов данной сферы показательны в отношении цветаевского концепта *сон*. Сну

приписываются свойства человека: он может быть мудрым, невыспавшимся и т.д.: *Вам мудрый сон сказал украдкой..; Обеими руками // В твой невыспавшийся сон.*

Небо тоже может быть у М. Цветаевой «невыспавшимся»: *Невыспавшееся небо, точно протирающее глаза верхом.*

Особенность цветаевской работы с рассматриваемым концептом заключается в «раскручивании» изначально общеязыковой эпифразы (ср. *глупый сон, мудрый сон*), которое выражается в расширении сочетаемости определений с данным субстантивом: любое определение, относящееся к сфере человека, может быть употреблено с любым (в нашем случае со словом *сон*) субстантивом эпифразы. На этом участке «расширения» сочетаемости эпитета и субстантива возникает яркий образный эффект, который особенно заметен применительно к именам, немного «оторвавшимся» от «физического человека», а потому ощущаемым как косвенно относящиеся к сфере человека.

Такие метонимические по происхождению и метафорические по своему эффекту переносы определения прослеживаются относительно практически всех абстракций. Именно группы психологического состояния и внешнего облика субъекта чаще всего сочетаются с именами данной сферы.

Иные типы эпитетов также довольно часто сочетаются с именами сферы «человек», но из-за небольшого количества самих лексем эпитетов занимают меньшее место в общей системе словоупотребления:

– эпитеты семантики межличностных отношений: *И над лепетом уст виновных... ; За их взгляд, изумленный насмерть, // Извиняющийся в болезни...;*

– эпитеты возрастной семантики: *Юный ли взгляд мой тяжел?;*

– эпитеты с семой «внешний вид субъекта» сочетаются со многими абстракциями:

– любовь: *Простите любви – она нищая! // Босая....*

– память: *Там, в памяти твоей голубоокой .*

- печаль: *В широкоокою печаль – гляжу.*
- дружба: *Грань дружбе гордой и голой.*
- разлука: *Я вижу тебя черноокой, разлука!.*

Персонифицированные образы абстрактных понятий находят свое выражение в концептообразующих эпитетах с компонентом *-окий*: в глазах субъекта может читаться практически любая информация как о нем самом, так и об отношении его к другому (другой: лирической героине и т.д.).

–эпитеты интеллектуальной семантики (23 единицы): *Памятливыми глазами // Впилась – народ замер* [Азнауров 1977: 226]; *Только и памятлив, что на песни // Рот твой улыбочивый* [Азнауров 1977:277].

Другие переносные эпитеты, относящиеся к сфере человека, характеризующие лицо и связанные с ним понятия, менее продуктивны и представлены единичными словоупотреблениями – они участвуют в овеществлении абстракций. Среди них:

– сравнение чувства или органа тела человека с водной стихией, жидкостью (метафора жидкости): *Пойми водопадную высоту моего презрения (Психею на Психею не меняют). Душу на тело* [Фрейденберг 2008:381]; *Ведь когда Ася, и Андрюша, и Маша, и Августа Ивановна – для которых это входило в игру – с гиканьем и тыканьем в живот, как бесы, кривляясь и носясь вокруг меня, орали, – я даже отыграться не могла: даже одной хотя бы улыбкой из всей заливавшей меня тайной радости* [Фрейденберг 2008:95]; *Ледяными глазами барса // Ты глядела на этот сброд* [Азнаурова 2009: 126];

– наделение абстракции временными свойствами (темпоральная метафора): *В тоске вечерней и весенней* [Азнаурова 2009:201]; *В декабре на заре было счастье, // Длилось – миг. // Настоящее, первое счастье // Не из книг!* [Азнаурова 2009:224];

– сравнение абстракции с типичным ее выразителем: *Ох ты барская, ты царская тоска!* [Азнаурова 2009:339]; *Что мне рок с*

его родовыми страхами [Айзенштейн 2010:252]; *Всей женской лестью язвя вдохновенной...* [Айзенштейн 2010:32];

– овеществление:

а) уподобление абстракции предмету, имеющему своеобразные, присущие ему контуры и размеры: *Одиночеством – круглым моим* [Арутюнова 2009:452] (ср. по аналогии с *круглый сирота*); *Поверх явной и сплошной разлуки.* [Бабенко 2011:136] – разлука мыслится в качестве предмета или непрерывной линии;

б) уподобление абстракции яду, веществу обжигающему: *Как жгучая, отточенная лесть...* [Бабенко 2011:243];

в) уподобление абстракции острому предмету: *Архангельской двуострой дружбы обморочная круть* [Блинова 2009:79];

– сближение отвлеченного понятия со звуковыми ассоциациями (звуковая метафора): *Тоска лебединая, протяжная...* [Буянова 2009:87];

– сравнение понятия с домом, зданием: (метафора строения): *В ней душа грустней пустого храма, // Грустен мир. К себе ее зови* [Азнаурова 2007:75].

Метафорическое, но «неолицетворяющее» осмысление *конкретных концептов* данной сферы очень редко, причем подчеркнем обращение М. Цветаевой к образу огня и света: *Сердце, пламени капризней...* [Айзенштейн 2008:535]; *Как два костра, глаза твои я вижу, // Пылающие мне в могилу – в ад...* [Айзейнштейн 2008:473]; *Все глаза под солнцем – жгучи* [Азнаурова, 2009: 188]; *Любовь – огненная пещь...* [Айзейнштейн 2008:297]; *Но на то у поэта – слова // Всегда – огневые – в запасе!* [Айзенштейн 2008:334].

Все перечисленные выше типы метафорического осмысления М. Цветаевой понятий, относящихся к сфере человека, вербализованы средствами адъективного слова; в структуре его лексического значения появляются новые семы за счет наделения признаком не свойственного для него носителя.

2. Сфера артефактов

Сфера предметного мира в рамках эпифраз представлена преимущественно концептом *дом* и его составляющими, концептами *город* и *одежда*, поэтому большинство определений, относящихся к данной сфере, демонстрируют сходную логику переносов, что и в предыдущей рубрике. Особенностью таких переносных эпитетов является их яркая образность, причем в меньшей мере трактуемая метонимически. Дом и некоторые другие артефакты характеризуются М. Цветаевой посредством эпитетов, относящихся к семантической группе «состояние и характер человека».

Такие переносы представлены следующими эпифразами, в которых артефакт (или метонимический заместитель – *дом/люди, населяющие дом*) характеризуется как человек:

– находящийся в определенном эмоциональном состоянии (группа эмоциональных эпитетов): *Видно, отроком в невеселый дом завела подруга* [Азнаурова 2008: 227]; *Бродят шаги в опечаленной зале* [Азнаурова 2008:122]; *И каждый нес свою тревогу // В наш без того тревожный дом* [Азнаурова 2008: 103];

– характеризующийся устойчивой психологической чертой (группа психологических эпитетов) (10% употреблений): *Бездушен отзавтракавший стол* [Тахо-Годи 2008:126];

– находящийся в том или ином физиологическом состоянии (группа эпитетов физического состояния субъекта): *Из дома сонного иду – прочь* [Азнаурова 2008:282];

– обладающий яркой внешней чертой (группа эпитетов внешнего облика человека): *И слова из сгорбленной хаты: // «Простите меня, мои реки!»* [Азнаурова 2008:401];

– имеющий социальный статус (группа эпитетов с семантикой межличностных отношений): *Наш знатный дом* [Азнаурова 2008:205].

– испытывающий на себе действие другой силы (группа эпитетов-причастий с семантикой отношения) (2% употреблений): *В замороженный,*

невозвратный // Наш старый дом... [Акбашева 2006:14]; *Дом...// скрывающийся между лип* [Айзенштейн 2008:295].

Другие направления переноса

– Улица, часть концепта *город*, сравнивается с потоком (метафора воды): *У меня другая улица, Борис, льющаяся, почти что река, Борис, без людей, с концами концов, с детством, со всеми, кроме мужчин.* [Апресян 2005:382].

Как видно из описания, субстантивы сферы артефактов, как правило, сочетаются с эпитетами эмоциональной семантики, что способствует активному вовлечению имен данной области в процесс одушевления или персонификации.

3. Сфера природы

Сфера природных явлений представлена наиболее разнообразными типами переносных эпитетов, поскольку многие стихии подвергаются олицетворению и персонификации, а также наделяются другими признаками: вещественными, температурными и т.д.

«Антропоморфные» эпитеты, способствующие одушевлению природных объектов, наделению их человеческими свойствами, встречаются в поэзии М. Цветаевой часто. Природные объекты могут осмысляться поэтом в следующих аспектах:

– как существо, испытывающее определенное эмоциональное состояние (группа эмоциональных эпитетов): *Любоваться безумными искрами* [Айзейнштейн 2008:48];

– как существо, способное вступать в межличностные отношения: ревновать, быть одиноким или любимым и т.д. (группа эпитетов с семантикой межличностных отношений): *В сиром воздухе загробном...* [Айзейнштейн 2008:160];

– как существо, способное жить, умирать, спать (группа эпитетов физиологического состояния): *Так же, как мертвый лес...* [Арнольд 2010:

360]; *Березовое серебро, // Ручьи живые* [Арнольд 2010:144]; *В этом бешеном беге деревьев бессонных*[Арнольд 2010:25];

– как существо, имеющее отличительные внешние черты (группа эпитетов внешнего облика): *Простоволосые мои, мои трепещущие* [Айзейнштейн 2008:146] (о деревьях);

– как существо, обладающее памятью и интеллектом (группа интеллектуальных эпитетов): *Пустыни беспамятны* [Айзейнштейн 2008:207];

– как человек определенной родовой принадлежности: *В этом крутом // Небе мужском* [Арнольд 2010:125].

Другие модели осмысления природных объектов менее частотны, но также интересны с точки зрения построения образа.

Метафора движения: *Ввысь сорвавшийся лес* [Арнольд 2010:147].

Метафора веса: *Дерево моё невесомое!* [Вежбицкая 2006:223];

Все три смысловых группы субстантивов, входящих в состав эпитетов, демонстрируют различные тенденции в сочетаемости с определенными группами эпитетов. Все они активно употребляются с эпитетами, характеризующими субъекта (лицо в широком смысле): имена сферы человека показательны в плане метонимического эффекта от сочетаемости с семантически родственными им определениями, имена же других сфер приобретают яркую метафоричность, поскольку эпитеты способствуют олицетворению предметов и природных стихий. Другие модели переноса прилагательного – овеществление, метафорическая модель «вместилище» и другие – представлены в текстах произведений М. Цветаевой не столь регулярно, отражая индивидуальное, авторское осмысление реалий действительности.

Покажем тенденции сочетаемости определений и субстантивов на примере самой употребительной группы эпитетов - группы, характеризующей субъекта.

1. Семантическая группа лексем, обозначающих эмоционально-психологическое состояние субъекта

Самым частотным эпитетом следует признать эпитет *печальный* (синоним *грустный*):

а) субстантивы сферы «человек»: глаза, рука, душа, рот, губы, краса, страсть, честь;

б) субстантив сферы артефактов: дом;

в) субстантивы сферы «природа»: день, дымка, нива.

Эпитет *печальный* (и наречие *печально*) – один из самых частотных эпитетов в творчестве М. Цветаевой; видимо, в этом выражается особенность мировосприятия поэта. Существительные практически всех ментальных сфер сочетаются с данным эпитетом, реализуя основное значение «погруженный в состояние грусти, печали, тоски» либо метонимически соотносящееся значение «вызывающий печаль»: *Печальные губы мы помним // И пышные пряди волос* [Вольф 2006: 103]; *От дум, что вовеки не скажешь словами, // Печально дрожали капризные губки* [Вольф 2006: 99]; *...чтоб у мамы в глазах // Не дрожали печальные слезки?* [Вольф 2006: 105].

Грусть, печаль может быть выражена или читается во взгляде, глазах, слезах (как выражении печали), рте, губах субъекта. Данные выражения, часто употребляясь в речи и поэтическом языке, стали восприниматься как безобразные, стертые. *Грустная душа, страсть* – выражения, определяющие более глубокое чувство тоски, печали; у М. Цветаевой они предстают в качестве емких образов: *И сказал Христос, отец любви: // «По тебе внизу тоскует мама, // В ней душа грустней пустого храма, // Грустен мир. К себе ее зови»* [Иванова 2007:34]. Теологическая метафора, встроенная в ментальную модель «вместилище» – уподобление души пустому храму, – повтор эпитета в краткой форме, – все это способствует созданию неповторимого наглядного образа.

Неслучайность образа грустной души как пустого, брошенного вместилища подтверждается еще одним контекстом: *В этой грустной душе ты бродил, как в незапертом доме... // (В нашем доме, весною...)* [Илюхина 2009:107].

Использование эпитета *печальный* с абстракциями, осмысление их в качестве некоего субъекта, испытывающего чувство печали, является ярким поэтическим средством создания образа: *(Да, в час, когда поезд подан, // Вы женщинам, как бокал, // Печальную честь ухода // Вручаете...)* [Илюхина 2008: 64]. В данном случае честь (возможность) сравнивается с бокалом вина, синтаксически относясь к слову *уход*: возможность (печального) ухода.

Печальный день – это последний день; поэт намеренно использует слово со сдержанным эмоциональным компонентом, усиливая чувство безысходности: *Настанет день - печальный, говорят! // Отцарствуют, оплачут, отгорят...* [Зубова 2012: 177].

Способность поэта смотреть на мир с высоты, ценить творчество, жить любовью и стихами, – все это позволяет сказать М. Цветаевой: *Милый, грустный и большой, // День, когда от жизни рядом // Вся ты оторвешься взглядом // И душой.* [Зубова 2012: 224].

Реалии предметного мира представлены лексемами *дом, будильник, нож, меч.*

Редкий случай радостного дома... [Зубова 2012: 243].

Природные реалии реже находят свое выражение в именах: *земля* (3 единицы), *мир, ветер, воздух, дым, луна, небо, солнце, луч, волна, пена, дерево, луг, нива: ... земля высокомерная...* [Зубова 2012: 117]; *Солнце вечера – добрее...* [Зубова 2010: 14].

2. Семантическая группа лексем, обозначающих внешний облик субъекта, его физическое состояние

Эпитеты со значением внешнего облика человека сочетаются с лексемами двух сфер – человека (*глаза, рука, сердце, лоб; любовь, дружба, юность, мысли, ошибка*) и природы (*небо, дерево; клев, конь: ночь, холод*)

Центральными эпитетами данной группы выступают прилагательные *зрячий* и *слепой*, реализуя многообразные значения.

Зрячий (зоркий):

а) субстантивы сферы «человек»: глаза/взгляд, ошибка, рука, сердце;

б) субстантивы сферы «природа»: небо, клюв, круг, ночь.

Лирическая героиня говорит о себе: *Все ведаю - не прекословь! // Вновь зрячая - уж не любовница!* [Захарьян 2009:122], имея в виду, что она теперь прозрела, т.е. невлюбленная, не ослепленная любовью.

Или: *и подумаешь – ты, // Длинной рукою незрячей // Глядя раскиданный стан, // Что на груди твоей плачет // Твой молодой Иоанн* [Захарьян 2009: 45] эпитет реализует значение «не глядя, задумавшись, не обращая внимания».

Эпитет *слепой*: бич, очи, шарманщик, толпа, юность.

Семантика данного эпитета многообразна:

а) «лишенный зрения»: *Не уходит шарманщик слепой* [Зубарова 2009: 36];

б) «заблуждающийся, не видящий истины»: *Вся стража - розами увенчана: // Слепая, шалая толпа!* [Зубарова 2009: 387]; *Можно ль, чтоб века // Бич слепоок // Родину света // Взял под сапог?* [Ельницкая 2012: 544];

в) «неопытный»: – *Остановись! – // Юность слепа* [Ельницкая 2012: 122];

г) «непреклонный, суровый, жестокий»: *Хищен и слеп, // Хищен и глуп.*

Милости нет: // Каменногруд (о роке) [Ельницкая 2012: 276];

При характеристике человека / людей (*шарманщик, толпа*) такие прилагательные реализуют свои прямые значения. При номинации же других реалий, не связанных с конкретно названным лицом, в семантической структуре эпитета появляются новые оттенки смысла. Например: *Грань дружбе гордой и голой* [Гаспарова 2007:270] концепт *дружба* начинает осмысляться иначе: это дружба честных людей, самоотверженная, настоящая – эпитет *голый* приобретает новые значения,

отличные от прямого значения. Или во фразе: *Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая // Свет – люблю тебя, зоркая ночь* [Гаспаров 2007:245] происходит сложное моделирование образа ночи, темной до такой степени, что она способна все видеть, а потому зоркая, черная, как глаза.

Так, эпитеты приобретают новые оттенки значения, формально оставаясь в рамках данной группы эпитетов с учетом их прямых значений.

3. Семантическая группа лексем, обозначающих характер субъекта.

Среди эпитетов данной семантической группы наблюдается их частая сочетаемость с субстантивами всех трех сфер.

Эпитеты, сочетающиеся только с номинациями человека, представлены следующими лексемами:

- *капризный*: душа, губы, извилина губ, речь, сердце;
- *брезгливый*: грусть (уст), наклон;
- *вероломный*: глаза, кровь (жилы), сон;
- *упрямый*: завиток, рука, угроза.

Вероломство и верность становятся близкими понятиями при характеристике лирической героиней своего внутреннего Я:

*Цыганская страсть разлуки! // Чуть встретишь – уж рвешься прочь!
// Я лоб уронила в руки // И думаю, глядя в ночь: // Никто, в наших письмах
роясь, // Не понял до глубины, // Как мы вероломны, то есть – // Как сами
себе верны* [Габдулина 2009: 354]. Вера, верность не другому, пусть даже самому любимому человеку, а себе, своей натуре, становятся для М. Цветаевой важнее любви, а «цыганская страсть разлуки» – выражением свободы от всего земного. Так, признак *вероломный* сохраняет исходное значение в контекстах-эпифразах, но меняет внутреннюю мотивированность при употреблении в предикативной функции применительно к образу лирической героини, расшифровывающей новый смысл определения. Для М. Цветаевой эпитет становится ключевым словом стихотворения, раскрывающим мироощущение поэта.

Характер человека заметнее всего проявляется и «считывается» с *глаз*, поэтому самым частотным является именно этот субстантив; затем идут такие имена, как *рука*, *губы (рот)*, *душа*.

Артефакты также получают антропологическую, эмоциональную характеристику; среди них такие субстантивы, как *дом*, *хлев*, *колыбель*, *ложе*, *колокол*, *фонарь*, *топор*, *канат*, *гроб*.

Природные объекты – *местность*, *лес*, *дерево*, *луг*, *пруд*, *ветер*, *воздух* – одушевляются и используются поэтом для распространения признака, обозначающего внутреннее состояние субъекта, на природную реалию: *Ревнивый ветер треплет шаль* [Воркачев 2011: 21]; *Дерево, доверчивое к звуку...* [Воркачев 2011:562].

Таким образом, многие лексемы приобретают статус эпитета (причастия, деепричастия) благодаря особой коммуникативно-эстетической функции, которую они выполняют в поэтическом тексте.

Выводы по второй главе:

Описание групп эпитетов и лексем, выступающих в функции эпитетов, зафиксированных в текстах М. Цветаевой, позволяет сделать некоторые выводы относительно разнообразия определений, используемых поэтом. Основное внимание в произведениях М. Цветаевой сосредоточено на изображении внутренней, духовной жизни лирической героини или персонажей ее произведений; по этой причине наибольшее количество адъективных лексических единиц (эпитетов) и их употреблений приходится на группу, относящуюся к описанию субъекта, его внутренней жизни, а также физических свойств предметов и лиц. Остальные группы определений демонстрируют невысокую частотность употребления.

Состав определяемых слов, образующих цветаевскую эпифразу, неоднороден по своему денотативному типу и может быть распределен по нескольким смысловым блокам, субсферам. Отметим при этом, что деление на три сферы – человека, артефактов и природы – является условным,

поскольку первые две очень тесно связаны друг с другом: человек живет в мире артефактов, создавая их и «отражаясь в них». Это такие сферы, как:

- а) сфера человека. (*жизнь, смерть, юность, совесть*);
- б) сфера артефактов (предметного мира) (*дом, город, лестница* и др.);
- в) сфера природы (*дерево, лес, солнце*) и менее частотные (*земля, огонь*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование корпуса эпитетов и эпитетных комплексов, функционирующих в текстах произведений М. Цветаевой, показало их большую коммуникативно-эстетическую значимость в идиолекте поэта, богатый экспрессивно-семантический потенциал и многообразие по всем линиям типологии эпитетов – семантической (лексического значения лексем-эпитетов и семантического соотношения определения и определяемого слова и т.п.), структурной, морфологической, стилистической, с учетом окказиональности – узуальности лексемы-эпитета и т.д.

Изучение взглядов на эпитет литературоведов и лингвистов привело к выводу о существовании в научной литературе многочисленных и многообразных типов определения феномена эпитетов, отражающих их несовпадающее понимание и, с другой стороны, стремление в одних случаях дать общее определение для эпитетов, функционирующих в текстах произведений разных эпох (в этом случае оно неизбежно оказывается слишком общим и так или иначе сводится к функции художественного определения), в других случаях – определение с ориентацией на многофункциональность эпитета в современных художественных произведениях и на многообразные приемы их создания и отражающее эти параметры эпитета как средства создания художественного эффекта (среди определений такого рода наиболее удачным нам представляется определение А.В. Павшук).

Мы основываемся на широком понимании эпитета, в соответствии с которым роль эпитета в определенных контекстуальных условиях могут выполнять слова многих знаменательных частей речи (прилагательное, причастие, наречие, существительное, реже – местоимение, числительное, глагол, деепричастие, слова категории состояния), при этом центральное место – в силу особенностей частеречной природы – принадлежит имени прилагательному.

Исследование позволило многопланово взглянуть на проблему не только квалификации изучаемого явления, но и на вопрос о классификации эпитетов. Прослеженная в дипломном исследовании история классификации эпитетов (прежде всего в отечественной научной литературе) привела к выводу о существовании тенденции ко все более полному охвату многих сторон эпитета, описывающих его с учетом приемов его создания и особенностей функционирования в художественном тексте и в идиолекте писателя, с учетом способов актуализации его коммуникативно-эстетического содержания в тексте. Наиболее полно комплекс признаков, определяющих эпитет, представлен, по нашему мнению, в типологии В.П.Москвина. Полная типология эпитетов предполагает учет комплекса показателей, охватывающих разные аспекты художественного определения – прежде всего характер номинации (прямая и переносная с учетом характера переноса – метонимического или метафорического), семантика (лексическое значение), структура, степень освоенности, степень устойчивости компонентов эпитафразы, стилистическая окраска, структурный и количественный показатель (число эпитетов в рамках одной эпитафразы).

В нашей работе эпитет рассматривается в тесной связи с определяемым словом, в связи с этим вводятся и используются в качестве базовых понятий понятия *эпитафразы* и *эпитетного комплекса*. Под эпитафразой понимается семантическое и структурное единство определяемого слова и эпитета, как правило, не разрываемое другими лексемами. Термин эпитетный комплекс подразумевает высказывание, содержащее несколько эпитафраз, объединенных формой (общей структурой) и значением (семантикой).

Описание корпуса эпитетов с точки зрения их *структурных* типов позволило установить, во-первых, многообразие способов организации эпитафразы и более сложного образования – эпитетного комплекса – в текстах произведений М. Цветаевой, во-вторых, проследить, как разные лексико-грамматические структуры создают условия для актуализации богатейшего экспрессивно-семантического потенциала слова-эпитета. Для текстов

М. Цветаевой характерно экспрессивное употребление различных типов сложных эпитетов, часто окказиональных, состоящих из нескольких основ (*сновиденный, нагловзорый*), а также использование цепочек определений (от двух до десяти) при одном определяемом слове (*неведомый, безвопросный, неспрашивающий*). Индивидуальность авторского словоупотребления адъективной лексики проявляется не столько в самих типах эпитетных комплексов, которые во многом являются общепозэтическими, сколько в особенностях подбора определений, в сочетаемости сложных признаков и определяемых слов.

Развернутый эпитетный комплекс в его разновидностях (цепочечный, повторный, парный и т.д.) становится средством детализации признака, выразителем его интенсивности. Специфика цветаевского почерка проявляется в отборе эпитетов при выстраивании цепочечного ряда определений (*сонный, бессонный; неразрывный, неразливный*), при акцентуации одного и того же слова при лексическом повторе эпитета. Яркой особенностью работы поэта с аппозитивными эпитетами является конструирование блочного эпитетного комплекса, объединяющего в себе субстантив и его окказиональную характеристику. Такой комплекс употребляется в нерасчлененном виде: в его составе эпитеты сохранены в застывшем виде, в определенной форме (*вьюг-твоих-приютство*), что сближает его с постоянным эпитетом.

Проведенная семантическая систематизация лексем, выступающих в функции эпитетов, позволяет сделать вывод о необычайно широком семантическом составе этой лексики даже применительно лишь преимущественно к адъективной лексике – можно констатировать тенденцию к вовлечению практически любого слова подвергающегося семантической трансформации того или иного типа в контексте М. Цветаевой. Не менее показателен факт широкого использования причастий и деепричастий, которые фиксируют подчеркнуто ситуативное восприятие реалии в ее связях с другими реалиями, в разных ракурсах ее

оценки. При этом весьма значительный корпус лексем-эпитетов зафиксирован в единичном употреблении.

На этом фоне обращает на себя внимание выявленная нами тенденция, которая заключается в преимущественном употреблении определений из сферы человека, прежде всего семантических групп со значением эмоционально-психологического состояния и особенностей и деталей внешности человека (наряду с эпитетами цветовой семантики, которые не были предметом нашего внимания). Это обстоятельство мы склонны объяснять тем, что именно человек с его внутренним миром, эмоционально-психологические коллизии являются основным объектом поэтической рефлексии, а также тем, что окружающий мир воспринимается лирической героиней М. Цветаевой сквозь призму эмоционально-психологического состояния, в том числе при олицетворении окружающего мира. Остальные группы определений демонстрируют сравнительно невысокую частотность употребления.

Своеобразным проявлением той же тенденции выглядит решительное преобладание по употребительности нескольких лексем – *печальный, грустный, юный, сонный*, которые на этом основании допускают трактовку как постоянные эпитеты в идиолекте М. Цветаевой. Заметим, что все они представляют сферу человека.

Состав определяемых слов, образующих цветаевскую эпифразу, также многообразен и при крупноплановой систематизации может быть распределен по трем сферам: а) сфера человека; б) сфера артефактов; в) сфера природы. Тематическая систематизация имен, выступающих в составе эпифразы в качестве определяемых слов, подтверждает ту же тенденцию – преобладание денотатов из сферы человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азнаурова Э.С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи / Э.С. Азнаурова // Языковая номинация. Виды наименований [А.А. Уфимцева, Э.С. Азнаурова, В.Н. Телия и др. / отв. ред. чл-корр. АН СССР Б.А. Серебренников, д-р филол. наук А.А. Уфимцева; АН СССР, Институт языкознания]. – М.: Наука, 2007. – С. 86 – 129.
2. Айзенштейн Е.О. Символ «стекла» в творчестве М. Цветаевой / Е.О. Айзенштейн // Филологические науки. – 2010. – № 6. – С. 10–17.
3. Акбашева А.С. Цветаева: слова и смыслы / А.С. Акбашева // Литература в школе. – 2006. – №3. – С. 84–93.
4. Античные риторика: Переводы / собр. текстов, комм. и обзрен. С.А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – 352 с.
5. Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О.М. Фрейденберг. – М-Л.: Наука, 2006. – 332 с.
6. Апресян В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 2003. – № 3. – С. 27–35.
7. Арбатская Е.Д. О лексико-семантических классах имён прилагательных / Е.Д. Арбатская Д.И. Арбатский // Вопросы языкознания. – 2013. – №1. – С. 33–47.
8. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка / И.В. Арнольд. – Л.: Просвещение, 2011. – 303 с.
9. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык / И.В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 384 с.
10. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика: сб. ст. / АН СССР, Ин-т русского языка / отв. ред. В.П. Григорьев. – М.: Наука, 2009. – С. 147–170.
11. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность: от теории слова к структуре текста: Антология / под ред. В.П. Нерознака [Ин-т

- народов России, Моск. гос. лингв. ун-т, Общество любителей российской словесности]. – М.: Academia, 2007. – С. 267–279.
12. Бабенко И.И. Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М. Цветаевой: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук: / Бабенко Инесса Игоревна. – Томск, 2011. – 22 с.
13. Белкина М.О. Скрещение судеб: попытка Цветаевой, двух последних лет ее жизни. Попытка времени, людей, обстоятельств / М.О. Белкина. – М.: Благовест: Рудомино, 2012. – 541 с.
14. Бирих, А.К. Метонимия прилагательных в современном русском языке / А.К. Бирих // Вестник ЛГУ. Серия 2. – 2007. Вып. 1. – С. 62 – 74.
15. Блинова О.И. Образность как категория лексикологии / О.И. Блинова // Экспрессивность лексики и фразеологии: межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. гос. ун-т им. Ленинского комсомола. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2013. – С. 3–12.
16. Бургин Д.Л. М. Цветаева и трансгрессивный эрос: статьи и исследования / Д.Л. Бургин / Пер. с англ. С. Сивак – СПб.: Инапресс, 2009. – 240 с.
17. Буянова Л.Ю. Концепт душа как основа русской ментальности: особенности речевой реализации / Л.Ю. Буянова // Культура. – 2012. – №2 (80). – С. 78-83.
18. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 2006. – 416 с.
19. Везерова М.Н. Вербализация концепта как составляющая идиостиля / М.Н. Везерова Е.Г. Сиверина // Языковая система – текст – дискурс: категории и аспекты исследования: Материалы всероссийской научной конференции 18-19 сентября 2003г. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. – С. 142–149.
20. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 2009. – 406 с.
21. Войтехович Р.С. Образ Психеи в творчестве М. Цветаевой / Р.С. Войтехович. – М.: Просвещение, 2013. – 202 с.
22. Волков И.Ф. Теория литературы / И.Ф. Волков. – М.: Просвещение, 2006. – 256 с.

23. Вольская Н.И. О славянизмах в поэтическом языке М. Цветаевой / Н.И. Вольская // Русский язык в школе. – 2012. – № 4. – С. 61–69.
24. Вольф Е.М. К вопросу о классификации признаков / Е.М. Вольф // Филологические науки. – 2012. – №2. – С. 46–54.
25. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С.Г. Воркачев. – Краснодар, 2012. – 236 с.
26. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 2014. – 279 с.
27. Гаспаров М.Л. М. Цветаева: от поэтики быта к поэтике слова / М.Л. Гаспаров // Русская словесность. М.: Academia, 2007. – С. 258–266.
28. Глазунова И.С. Логика метафорических преобразований / И.С. Глазунова. – М.: Наука, 2008. – 167 с.
29. Глебова Т.С. Эпитет в прозе К. Симонова / Т.С. Глебова // Русская речь. – 2007. – № 1. – С. 19–25.
30. Глушкова В.Г. Лингвостилистические особенности эпитетов в художественной прозе С.Н. Есина: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук / Глушкова Валентина Геннадьевна. – Белгород, 2009. – 23 с.
31. Голубина К.В. Когнитивные основания эпитета в художественном тексте: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук / Голубина Ксения Владимировна. – М., 2008. – 25 с.
32. Горнфельд А.Г. Эпитет / А.Г. Горнфельд // Вопросы теории и психологии творчества. – Харьков, 2011. – С. 340–342.
33. Григорьев В.П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии / В.П. Григорьев. – М.: Наука, 2009. – 344 с.
34. Деркачев И.З. Эпитет / И.З. Деркачев // Русский язык в школе. – 2007. – №3. – С. 40 – 42.
35. Долинин К.А. Стилистика французского языка / К.А. Долинин. – Л.: Наука, 2008. – 289 с.

- 36.Евгеньева А.П. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII–XIX вв. (постоянный эпитет) / А.П. Евгеньева // Труды отдела древнерусской литературы. – М. – Л.: Наука. Т.6, 2008. – С. 233 – 257.
- 37.Жирмунский В.М. К вопросу об эпитете / В.М. Жирмунский // Памяти В.Н. Сакурина: сб. статей. – М.: Наука, 2012. – С. 52–60.
- 38.Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Избранные труды / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 2007. – 406 с.
- 39.Залевская А.А. Слово в лексике человека / А.А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2009. – 204 с.
- 40.Зарецкая Е.Н. Риторика / Е.Н. Зарецкая. – М.: Академия, 2012. – 346 с.
- 41.Захарьян Н.А. Цветаева и Бродский: невербальные компоненты стиля: дисс... канд. филол. наук / Захарьян Наталья Алексеевна. – Иваново, 2009. – 180 с.
- 42.Зубарева Е.Ю. Творчество Цветаевой в англо-американском литературном наследии десятилетия / Е.Ю. Зубарева // Вестник МГУ. Серия литературы и языка. – 2009. – №6. – С. 40–48.
- 43.Зубова Л.В. Небо М. Цветаевой... / Л.В.Зубова // М. Цветаева и Франция: новое и неизданное / под ред. В. Лосской, Ж. Прояр. – М.: Русский путь, Paris, 2012. – С. 42–53.
- 44.Зубова Л.В. О семантической функции грамматических архаизмов в поэзии М. Цветаевой / Л.В. Зубова // Вопросы стилистики: межвуз. науч. сб. Вып. 17. Функциональные стили русского языка и методика их изучения / ред. колл. О.Б. Сиротина (отв. ред.) и др. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2012. – С. 46–60.
- 45.Зубова Л.В. Потенциальные свойства языка в поэтической речи Цветаевой (семантический аспект) / Л.В. Зубова. – Л.: Наука, 2007. – 87 с.
- 46.Иванова Н.Н. Лексикография художественной речи: словарь поэтических номинаций / Н.Н. Иванова // Русистика сегодня. – 2014. – №2. – С. 113–134.
- 47.Илюхина Н.А. Когнитивные принципы в изучении лексики / Н.А. Илюхина // Языковые средства в системе, тексте и дискурсе: сб. науч. ст. – Самара: Изд-во СамГПУ, СамГУ, 2009. – С. 36–41.

- 48.Кавакита Н.С. Проблема архетипа в творческом опыте М.Цветаевой: дисс. ... канд. филол. наук / Кавакита Наталья Сергеевна. – М., 2009. – 200 с.
- 49.Калинина О.В. Формирование творческой личности в автобиографической прозе М. Цветаевой о детстве поэта: дисс. ... канд. филол. наук / Калинина Ольга Владимировна. – Саратов, 2009. – 249 с.
- 50.Каражаев Ю.Д. Возникновение и становление языковой экспрессии / Ю.Д. Каражаев. А.Д. Кулова // Проблемы экспрессивной стилистики: сб. ст. / отв. ред. Т.Г. Хазагеров. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2012. – С. 5-13.
- 51.Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. Наука, 2007. – 236 с.
- 52.Климкова Л.А. Ассоциативное значение слов в художественном тексте / Л.А. Климкова // Филологические науки. – 2011. – № 1. – С. 45–54.
- 53.Кожевникова Н.А. Метафора в поэтическом тексте / Н.А. Кожевникова // Метафора в языке и тексте: сборник / В.Г. Гак, В.Н. Телия, Е.М. Вольф и др. отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 2008. – С. 115–165.
- 54.Козлова Л.Г. Вода родниковая: к истокам личности Цветаевой / Л.Г. Козлова. – Ульяновск: Симбирская книга, 2012. – 227 с.
- 55.Козлова Л.Г. Танцующая душа: по поэтическим следам М.Цветаевой / Л.Г. Козлова. – Ульяновск: Симбирская книга, 2012. – 147 с.
- 56.Колшанский Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 2009. – 148 с.
- 57.Коренькова Е.В. Качественное наречие как элемент идиостиля (на материале художественной прозы И. Бунина и Б. Зайцева): дисс... канд. филол. наук: 10.02.01. / Е.В. Коренькова. – СПб., 2013. – 198 с.
- 58.Коротеев А.А. Синтаксические смещения в современном русском языке: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук / Коротеев А.А. – Куйбышев, 2014. – 24 с.
- 59.Коськина Е.В. Внутренний человек в русской языковой картине мира: образно-ассоциативный и прагмалингвистический потенциал семантических

- категорий «пространство», «субъект», «объект», «инструмент»: дисс. ... канд. филол. наук / Коськина Елена Владимировна. – Омск, 2009. – 190 с.
60. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2009. – №6. – С. 3–12.
61. Кузьмина Н.А. Концепты художественного мышления / Н.А. Кузьмина // Проблемы деривации: семантика, поэтика: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2011. – С. 57–65.
62. Куксина А.Е. Структурно-семантические типы сложных эпитетов в языковой картине мира писателя (на материале художественной прозы Ю. Нагибина): Автореферат дисс... канд. филол. наук / А.Е. Куксина. – М., 2008. – 22 с.
63. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 256 с.
64. Ланская, О.П. Концепт «дом» в языковой картине мира: дисс. ... канд. филол. наук / О.П. Ланская. – Калининград, 2009. – 199 с.
65. Леденева В.В. Идиостиль (к уточнению понятия) / В.В. Леденева // Филологические науки. – 2011. – № 5. – С. 36–43.
66. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность: от теории слова к структуре текста: Антология / под ред. В.П. Нерознака. [Институт народов России, Моск. гос. лингв. ун-т, Общество любителей российской словесности]. – М.: Academia, 2007. – С. 280–282.
67. Лободанов А.П. К исторической теории эпитета (античность и средневековье) / А.П. Лободанов // Серия литературы и языка. – 2004. – Т. 43. – № 3. – С. 215 – 227.
68. Лопутько О.П. Постоянные эпитеты и история прилагательных / О.П. Лопутько // Русский язык в школе. – 2009. – №5. – С. 81–85.
69. Лосская В.К. Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников / В.К. Лосская. – М.: Культура и традиции, 2012. – 348 с.
70. Маниева Н.С. Прилагательные-эпитеты в поэтическом дискурсе второй половины XX века: лингвистический анализ: Автореферат дисс... канд. филол. наук / Маниева Нина Сергеевна. – Махачкала, 2007. – 23 с.

- 71.Нарынская М.Ю. Структурно-семантические особенности лексико-синтаксических окказионализмов в идиолекте М.Цветаевой: дисс. ... канд. филол. наук / Нарынская Марина Юрьевна. – Ростов-на-Дону, 2004. – 323 с.
- 72.Некрасова Е.А. Метафора и ее окружение в контексте художественной речи // Е.А. Некрасова / Слово в русской советской поэзии: сб. ст / отв. ред. В.П. Григорьев. – М.: Наука, 2008. – С. 76–110.
- 73.Никитина Л.Б. Образ homo sapiens в русской языковой картине мира / Л.Б. Никитина. – Омск: Изд-во Омского университета, 2009. – 267 с
- 74.Одинцова М.П. Языковые образы «внутреннего человека» / М.П. Одинцова // Язык Человек. Картина мира: Лингвоантропологический философский очерк (на материале русского языка). Ч.1 / под ред. М.П. Одинцовой. – Омск: Изд-во Омского университета, 2009. – С. 11–28.
- 75.Разумовская М. Цветаева: Миф и действительность / М. Разумовская. – М.: Радуга, 2004. – 573с.
- 76.Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики / Е.В. Рахилина // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2009. – Т.59. – №3. С. 33–56.
- 77.Ревзина О.Г. Тема деревьев в поэзии М.Цветаевой / О.Г. Ревзина // Труды по знаковым системам. – Тарту. – 2002. – Вып. 576. – С. 141–148.
- 78.Сандакова М.В. О механизмах дискурсивной метонимии прилагательного / М.В. Сандакова // Филологические науки. – 2009. – №3. – С.106–112.
- 79.Сафронова И.П. Эстетические функции пунктуации в поэзии М.Цветаевой: дисс. канд. филол. наук / Сафронова Ирина Павловна. – Ижевск, 2004. – 247 с.
- 80.Сидорова М.Ю. Семантико-грамматические свойства имен прилагательных как основание для их классификации / М.Ю. Сидорова // Русистика сегодня. – 2011. – №2. – С. 69–80.
- 81.Скляревская Г.Н. Языковая и художественная метафора: единство и противоположность / Г.Н. Скляревская // Вопросы теории и истории языка. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. – С. 221–227.

82. Стенина Н.А. Восприятие М.Цветаевой в Чехии: дисс. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / Стенина Наталья Александровна. – СПб, 2005. – 250 с.
83. Тайлор Э.Б. Миф и обряд в первобытной культуре / Э.Б. Тайлор. – Смоленск, 2009. – 624 с.
84. Тарасова И.А. Что такое когнитивная поэтика? // И.А. Тарасова // Языковая система – текст – дискурс: категории и аспекты исследования: Материалы всероссийской научной конференции 18 – 19 сентября 2003 г. / отв. ред. Н.А. Илюхина – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. – С. 92–99.
85. Томашевский Б.В. Стилистика / Б.В. Томашевский. – Л.: Изд-во ЛГУ, 2003. – 288 с.
86. Федосеева Л.Г. Цветаева: Путь в вечность / Л.Г. Федосеева. – М.: Знамя, 1992. – 63 с.
87. Хазагеров Т.Г. Общая риторика: курс лекций. Словарь риторических приемов / Т.Г. Хазагеров, Л. С. Ширина; под общ. ред. Е.Н. Ширяева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – 320 с.
88. Цветаева М.И. Сводные тетради (в 4 частях) // электронный ресурс [www.crea.ru / cvetaeva](http://www.crea.ru/cvetaeva).
89. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. / М.И. Цветаева; [вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина]. – М.: Эллис – Лак, 1994.
90. Чернухина И.Я. Общие особенности поэтического текста / И.Я. Чернухина. – Воронеж, 2007. – 156 с.
91. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: УРСС, 2011. – 238 с.